

Татьяна Василевская

18+

Если бы...

Повесть

Татьяна Василевская

Если бы...

«Автор»

2018

Василевская Т. М.

Если бы... / Т. М. Василевская — «Автор», 2018

Действие книги начинается в начале 90-х, перед самым распадом СССР и охватывает более двадцати лет жизни героев, рассказывая о смешных и грустных событиях происходящих с ними за это время. Это история о настоящей любви, дружбе и преданности.

© Василевская Т. М., 2018

© Автор, 2018

Предисловие, которое вполне можно пропустить. Почему? Почему написана эта книга? Если коротко – по тому, что мне было скучно. Однообразие жизни наполненной стиркой, гладкой, готовкой и воплями «Мам! Мам!», превращают жизнь в нескончаемый «день сурка». Для тех кто не знаком с этим понятием, это фильм, где весь сюжет построен на бесконечном повторении одного и того же дня, из которого главный герой на протяжении фильма пытается вырваться. И, что бы уж совсем не увязнуть в этом каждодневном однообразии и не превратиться самой в этого самого сурка, часть меня, склонная к творчеству и разнообразию, начала подбрасывать моему измученному и уже почти находящемуся в спячке мозгу, всевозможные идеи. Я снова начала рисовать, хотя забросила это занятие несколько лет назад, после рождения моего третьего и необыкновенно активного ребенка. Я стала делать для своих детей настольные игры, альбомы и прочую ерунду, что бы развлечь их и хоть немного сократить бесконечное число выкриков Мам!», а заодно развлечь себя. Не знаю, как детям, а мне мои занятия доставили огромное удовольствие. Никакую книгу я писать не собиралась. И в мыслях не было. Я совсем не писатель и прекрасно это понимаю. Но, опять же от скуки, и еще от того, что я уже достигла определенного возраста, когда людям свойственно оглядываться назад, оценивать свою жизнь и даже видеть и признавать собственные ошибки. Чего мы совершенно не способны сделать в молодости, так как молодым людям свойственно винить в происходящем кого угодно, только не самих себя. И это нормально. Молодости не свойственна самокритика. В молодости мы полны надежд и вполне довольны собой, такими, какие мы есть. Ну, так вот. Оглядываясь назад, я, как и все остальные, наверное, задаюсь, время от времени, вопросом: «А если бы, что-то в жизни сложилось не так, а по-другому, какой тогда могла бы быть моя жизнь?». В такие моменты воображение услужливо подкидывает различные варианты, того что могло бы быть. И вот в моей голове родилась маленькая романтическая, довольно незатейливая, история. Куда же без романтики? А потом, как-то незаметно эта история начала превращаться в целый рассказ и уже не о моей жизни, а о жизни вымышленных персонажей. И так они там толкались и копошились в моей голове и рвались наружу, что я решила, а почему бы не написать рассказ. Пускай они живут своими жизнями на бумаге, а не в моем многострадальном мозгу, где и так все место занято детьми, домом и другими повседневными заботами. Рассказ должен был состоять из трех частей. Когда первая часть еще даже не была завершена, а набранный на компьютере текст, сообщал мне нахальной циферкой нумерации страниц, что я приближаюсь к ста, я окончательно поняла, что рассказом дело не ограничится. Ну и, что? Раз уж взялась, значит нужно идти до конца. Тем более что я уже привыкла к героям, даже успела полюбить их. Причем они сами, по мере написания, превращались в тех, кем стали в конечном итоге, меняя свои характеры, поступки, даже ход событий. В общем, меня ужасно затянуло, увлекло настолько, что я просто остановиться не могла и, так, не останавливаясь, написала все три части. Конец был, вроде бы, логичный и добавить было нечего. Все сказала я себе с гордостью. Я молодец. Осилила свой великий труд, дошла до конца. Как-бы не так. Мои герои снова взбунтовались в моей голове, требуя продолжения, видимо, решив, что я не до конца исполнила перед ними свой писательский долг. И как ни странно на свет появилась четвертая, на этот раз последняя часть. И я, и они наконец-то были довольны. А, что у нас получилось в конечном итоге оценивать Вам, если Вы конечно проявите решимость и желание прочитать результат нашего совместного творчества. *О чем?* О чем книга? Да ни о чем, о жизни. Потому, что жизнь, по большей части тоже ни о чем. То из-за чего мы так сильно переживаем сегодня, то, что нам кажется необыкновенно важным и значительным, в большинстве случаев, через какое-то время представляется несущественным и совершенно не важным. За исключением, конечно, некоторых, редких, событий, которые действительно сильно влияют на нашу судьбу. Все остальное, просто эпизоды, которые мы с легкостью забываем и даже удивляемся, потом, вспоминая как переживали, как преувеличивали их значимость.

Надеюсь, если Вы найдете в себе силы и желание прочитать эту книгу, то дочитав до конца, вы все же не отложите ее в сторону с мыслью о том, что это была очередная пустая трата времени. Мы с героями старались, как могли. А уж о результатах наших стараний судить Вам дорогой читатель.

С любовью. Автор.

Рожденным в СССР посвящается

Часть I

Очень простое желание.

Сергей.

25.09.1990г.

У Вовки Телянина, а для близких друзей просто Вована, была вечеринка. Как и все, вечеринки, устраиваемые Вованом в отсутствие родителей, вечно разъезжающих по загранкомандировкам, эта была шумная, многолюдная, и больше напоминала некую вакханалию, на которой каждый делал абсолютно все, что хотел. Никаких ограничений – это было девизом Вована.

Гремела музыка, тут и там позвякивали, быстро опустошаемые гостями бутылки. Звучание пьяных голосов, смех, вздохи, не в меру увлекшихся друг другом молодых людей, все слилось в какой-то нескончаемый, давящий на голову, гул. Воздух был наполнен запахами еды, спиртного, сигаретного дыма, пота разгоряченных выпивкой и танцами юных тел, смесью самого разнообразного мужского и женского парфюма. Со всех сторон пьяные незнакомые лица, похожие друг на друга. Девушки, с неразличимыми, под боевым раскрасом, чертами лиц. С длинными ногами и вызывающе выставленными на обозрение бюстами всех размеров, чудом держащимися в глубоких вырезах крошечных маечек. Сергей чувствовал раздражение и усталость. Целый день он мотался по делам, опоздал к началу вечеринки, но пробыв среди всего этого шума и гама минут сорок, уже жалел, что вообще решил прийти.

Осторожно пробираясь между вяло танцующими парочками и стараясь не наступить на кого-нибудь из уже нагулявших гостей, которые сидели и даже лежали, прямо на полу, Сергей направился к выходу.

«Старею, наверное...» – усмехнулся он. То, что еще совсем недавно манило, казалось таким веселым, будоражило молодую кровь, больше не привлекало. Он больше не чувствовал ни какого очарования в этих отвязных, шумных гуляньях, где все дозволено, где жизнь, бьет через край. По крайней мере, пока не упадешь в пьяном угаре и не забудешься, отключившись от всего происходящего тяжелым сном.

Добравшись, наконец, до двери, Сергей вышел в просторный, заваленный разбросанными вещами коридор. В этот момент одна из дверей с шумом распахнулась и в клубах густого, наполненного характерным запахом травки, дыма, подобно фокуснику, выходящему на сцену, появился хозяин квартиры.

На губах Вована застыла глуповатая улыбка, а взгляд безмятежных серых глаз абсолютно бессмысленно был устремлен в пространство. Сфокусировавшись, каким-то чудом на проходящем мимо приятеле, Вован радостно заорал:

– Серега, братан! Здорово!

На этот его вопль из комнаты, радостно повизгивая и крутя толстым поросячьим задом, вылетел английский бульдог Боська и бросился навстречу Сергею, едва не сбив, плохо держащегося на ногах хозяина.

– Фу, Боська! – прикрикнул Сергей, отпихивая собаку ногой. Он с отвращением посмотрел на равномерно распределившиеся по джинсам липкие собачьи слюни.

Вован подковылял к Сергею и, повиснув у него на плече, радостно спросил:

– Серега, ты куда?!

– Домой. Но теперь сначала в ванну.– Буркнул Сергей. Вован посмотрел на испачканные джинсы и захихикал.

Сергей направился в сторону ванной. Вован, продолжая висеть на его плече, семеня следом. Замыкал шествие Боська, время от времени тыкаясь в ноги идущим квадратной брыластой мордой и мешая им идти. В конце концов, Сергей пнул его ногой, и пес обиженно потрусил на кривых коротких лапах в сторону кухни.

– Не, ну а чего домой то? Чего тебе там делать? Тут смотри как весело!– Вован обвел свободной рукой разгромленный коридор и снова захихикал.– Ты смотри, чего наделали, черти! Все разнесли!– По-видимому, его совершенно восхитила способность гостей, за один вечер, превратить шикарную родительскую квартиру в подобие дворянской усадьбы, в которой только, что побывали озверелые большевики.

– Да, очень весело.– Сергей попытался стряхнуть Вована со своего плеча, но тот держался крепко.

– Нудный ты стал, Серега! Как старый дед прямо. Сейчас бы пошли, водочки накатили, можно по косячку забить.– Предложил Вован и опять начал хихикать.

– Зато ты не нудный. Накурился вон до одури, ржешь не переставая.– Огрызнулся Сергей.– Отцепись, Вован!

Они подошли к ванной, и Сергей снова попытался освободиться от цепких объятий друга.

В этот момент барабанные перепонки и мозг взорвал «Мираж». «Музыка нааас связала...»– страшно редела певица из мощных колонок, предупреждая всех и каждого, что никуда им от нее уже не деться. Видимо кто-то из гостей добрался до ящика со старыми школьными записями Вована и, решив порадовать находкой весь подъезд, поставив кассету, врубил звук на всю катушку.

– Эй, ублюдки! Звук убавьте! Совсем охе...!– Заорал, подскочивший от неожиданности Вован.– Че, хотите, что б менты приехали?– Мысль о ментах рассмешила его, и он залился пьяным квакающим смехом.

Свет в ванной был включен. Сергей открыл дверь и замер на пороге, семеня за ним Вован врезался ему в спину и от неожиданного толчка чуть не завалился назад.

На краю ванной сидела девчонка, на вид, лет пятнадцати. В лице ее, искаженном нечеловеческой мукой и страданием, не было ни кровинки. Глаза, казались огромными и испуганными, а, совсем детский, припухлый ротик был изогнут коромыслищем, как у обиженного ребенка, готового вот-вот заплакать. Девчонка была маленькой, худенькой и совершенно очевидно очень-очень пьяной.

–Извините...– пробормотал Сергей и осторожно прикрыл дверь. Он вдруг ужасно разозлился. На Вована, на его гостей, пьяных, обкуренных, смеющихся, без стеснения совокупающихся на глазах друг у друга. Половину из них Сергей, на сто процентов был уверен, Вован вообще знать не знает и видит сегодня первый и скорее всего последний раз в жизни. Ну ладно, они тут вытворяют, что хотят, ведут себя как животные, превращая большую, красивую, любовно обставленную матерью Вована квартиру в место погрома или стихийного бедствия. Но как можно было притащить сюда ребенка? Притащить, да еще и напоить до такого состояния. Эта мысль не укладывалась у Сергея в голове.

– Что там?– свистящим шепотом спросил Вован, с опаской выглядывая из-за спины Сергея. Сергей резко развернулся и, схватив приятеля за грудки, с силой впечатал его в противоположную стену. Вован ошалело вытаращил глаза и затрепыхался, пытаясь вырваться из крепко державших его рук. Сергей угрожающе склонился над ним:

– Вован, вы тут совсем ох...и все?– прорычал он.

– Да чего случилось-то? – Вован предпринял еще одну безуспешную попытку освободиться. – Серег, ты больной, что ли? Больно же. – Он демонстративно потер плечо.

– Ты в следующий раз группу детского сада на свою попойку не забудь пригласить, – прошипел Сергей. – У тебя там, в ванной какая-то малолетка в жопу пьяная сидит.

Вован зачарованно посмотрел в сторону ванной и, почувствовав, что железная хватка, наконец-то ослабла, на цыпочках подкрался к двери и осторожно заглянул внутрь.

– Уф! – облегченно выдохнул Вован. – Это ж Вера! – расплываясь в счастливой улыбке, сообщил он. – Вера – моя однокурсница.

Вера знала, что умирает. Она знала это совершенно точно. И даже хотела этого. И как можно скорее. Ей было настолько плохо, как еще ни разу в жизни. «О, боже!» – повторяла она про себя, одну и ту же фразу, изо всех сил цепляясь за гладкий холодный край ванной. Ей казалось, что если она отпустит его, то просто потеряет точку опоры, потеряет земное притяжение. Окажется в невесомости. И провалиться в-никуда, в какую-то черную пустоту. При мысли о черной пустоте вновь накатила приступ дурноты. Вера застонала. Ей нужно домой. Ей нужно найти в себе силы и вырваться из этой ужасной квартиры. Она убьет Телянина. Если сама выживет, то обязательно убьет. Это же он уговорил ее прийти, пообещав отличную компанию, веселье и танцы. «Посидим как интеллигентные люди. Не пожалеешь!». Это же его слова. Все Телянин, не жить тебе! Страшные планы убийства однокурсника были прерваны очередным спазмом, жестоко скрутившим худенькое измученное тельце. Верочка со стоном склонилась над белой сверкающей поверхностью импортной ванны, что бы в который уже раз нарушить сверкающее великолепие результатами своей невоздержанности и неопытности.

Она почти собралась с силами, что бы встать, когда дверь неожиданно распахнулась и на нее с дурацким выражением лица, уставился незнакомый здоровенный парень. Правда он сразу ушел и даже извинился, но Верина решимость уже улетучилась, она поняла, что еще не готова. «Боже!» – снова повторила она и обессиленно прижалась лбом к раковине.

Вера не знала, сколько времени прошло, может минута, может столетия, но дверь снова открылась, и на этот раз в нее заглянул уже Вовка Телянин. Жаль, что у нее нет сил, и она не может придушить его прямо сейчас. Вовка улыбнулся ей и скрылся. Вера услышала, как он говорит, с кем-то кто стоит за дверью. Она не поняла, что именно он сказал, но услышала свое имя. «Все, мне нужно идти. Если сейчас кто-нибудь пристанет ко мне с какими-нибудь расспросами, я точно умру». Вера решила и, держась за выложенную кафелем стену, нетвердой походкой направилась к двери. Постаравшись придать лицу более-менее осмысленное выражение, покачиваясь на непослушных ногах, она вышла в коридор и лицом к лицу столкнулась с парнем, который заглядывал к ней перед этим. Незнакомец на пару с Вованом уставились на нее. Ей сейчас было не до стыдливости, единственным желанием было добраться как-нибудь до дома и, рухнув в кровать, провалиться в блаженный сон. Не обращая внимания на продолжавших тарачиться на нее молодых людей, она осторожно направилась мимо них в сторону входной двери. Господи, почему у Телянина все ни как у людей? Такая большая квартира с такими бесконечными коридорами?

– Верочка, ты как? – участливо спросил Вован. – Живая?

– Угу. – Буркнула Вера.

– Верочка, хочешь чего-нибудь? – с неподдельной заботой в голосе продолжал приставать гостеприимный хозяин.

– Убить тебя хочу Телянин. – сделав над собой невероятное усилие, произнесла Вера целое предложение.

Сергей рассмеялся:

– Желających прибавляется! – он тихонько пихнул Вована локтем в бок.

– Вер, ну ты чего? Я-то чем виноват? – расстроился Вован. – Вер, ты чего уходишь?

– Да.– Силы закончились, и она могла отвечать только односложно.

Вера Ковальская была хорошей девчонкой. Вовану было действительно жаль, что так получилось. Видя, что уговаривать ее остаться бесполезно, потому, что ей действительно плохо, Вован решил, во что бы то ни стало, не ударить в грязь лицом и проявить себя радушным хозяином до конца:

– Вер, давай я такси вызову. Сейчас я только телефон...– забормотал Вован и начал беспомощно озираться по сторонам, пытаясь вспомнить, где вообще находился, этот чертов телефонный аппарат в его квартире, до начала сегодняшней вечеринки. Его очень отвлекали наваленные повсюду чьи-то куртки, сумки, ботинки. Вперемежку с одеждой валялись пустые бутылки, и даже салатница из-под оливье каким-то образом примостилась поверх вороха одежды. Вована ужаснула мысль, что сейчас ему придется, подобно археологу или кладоискателю перекапывать горы чужих и его собственных вещей в поисках телефона.– Черт, да где же он?– начал раздражаться Вован.

Поняв, что он не отстанет, Вера, умоляюще подняла руку:

– Не надо.– Прошептала она.

– Чего не надо?– не понял Вован.

– Такси не надо!– Вера с ненавистью посмотрела на приятеля. Сделав над собой еще одно нечеловеческое усилие, она сказала, – Меня укачает в такси.

Почувствовав новый спазм, она судорожно обхватила тоненькую шею худенькими пальчиками.

– Я Вас провожу.– Сказал Сергей и шагнул к ней.

Вера снова хотела возразить, но решила не тратить силы. Хочет провожать, пусть провожает. Ей сейчас все равно.

Видимо совсем недавно прошел дождь. На мокром асфальте в тусклом свете фонарей поблескивали лужи. Ночь была прохладной, приятной, и Вера с наслаждением глубоко вдыхала свежий осенний воздух, чувствуя, как возвращается к жизни исстрадавшееся тело. Проясняется в голове, и отступает мерзкая, не проходящая тошнота.

– Вы как?– спросил Сергей, видя, что она уже более-менее стала походить на живого человека.

– Уже лучше, спасибо.– она кивнула и даже слегка улыбнулась.

Они шли по дороге засыпанной мокрыми желтыми листьями. Сергей заметил, что девчонка начинает дрожать, хотя на улице было не особенно холодно. «Отходняк начался»– усмехнулся про себя, уже имеющий жизненный опыт, Сергей. Сняв куртку, он осторожно накинул ее на худенькие дрожащие плечи девушки.

– Спасибо.– Вера поплотнее запахнула куртку на груди. Рукава болтались на уровне колен, и она напонила какого-то смешного птенца. Почему-то в этот момент он почувствовал прилив щемящей нежности к этой совершенно незнакомой девушке. И еще стало немного грустно.

– Я вообще-то первый раз так.– Сказала она немного смущенно. – Никогда вообще почти не пила.

Сергей улыбнулся:

– Я понял, что первый раз. Вы с Вованом учитесь вместе?– сменил он неприятную для нее тему.

– Да, в одной группе. Он ужасно талантливый.– Добавила она почти с гордостью, забыв, что собирается убить одноклассника при первой же встрече.– Самый талантливый на курсе.

– Да, Вован он такой, во всем талантливый. Он еще в школе все время рисовал, очень здорово и очень похоже. Учителя с ума сходили, когда он их изображал в смешном или неприличном виде.– улыбнулся Сергей.

– Вы со школы дружите?– Вера взглянула на него с интересом.– Мне кажется, что вы совершенно разные.

Сергей достал пачку и закурил.

– С первого класса дружим, и всегда все говорили, что мы разные.– Пожимая плечами, сказал он. – Может, именно поэтому и дружим. Не знаю. Просто мы понимаем друг друга.

Из темноты, как маяк указывающий путь в ночи, показалась большая светящаяся «М». Вера сняла куртку и вернула Сергею.

–Спасибо, что проводили.

– Я Вас, тебя то есть, до дома провожу,– неожиданно для самого себя заявил Сергей, возвращая куртку обратно ей на плечи.

Вера смешно сложила губы кругленьким бубликом.

– О! Нет, не нужно,– почти испуганно запротестовала она.– Я уже нормально себя чувствую. Я сама доеду, спасибо.

Сергей легонько подтолкнул ее ко входу в метро.

– Мне так спокойнее будет.– Он взял ее под руку и решительно потащил к тяжелым покачивающимся дверям.

Вера жила в спальном районе, на окраине, и после метро нужно было ехать еще и на электричке. На вокзале она предприняла еще одну попытку уговорить Сергея не провожать ее дальше:

– Я сама доеду. Я в порядке. Как ты потом домой доберешься?– почти умоляла она. Ей было неловко, что она доставляет ненужное беспокойство. В подобных ситуациях, она всегда начинала немного нервничать и чувствовать себя не в своей тарелке.

– Ничего. Доберусь как-нибудь.– Уверенно сказал Сергей, на самом деле совершенно не представляя, как будет выбираться посреди ночи с окраины Москвы.

Пока ждали электричку, Сергей сказал:

– Я через несколько дней уезжаю на север. Работать.– Он не собирався сообщать незнакомой девчонке о своем отъезде. Зачем ей это. Он для нее просто случайный знакомый. Друг однокурсника. Скорее всего, они и не встретятся больше никогда. Но почему-то он ей сказал. И самое удивительное, он был рад, что теперь она об этом знает, как будто, это как-то сближало их. Теперь у них было что-то общее. Хотя, конечно ей-то совершенно безразлично, хоть он на Луну улети.

Она снова округлила губы бубликом. Видимо это был ее способ выражать удивление.

– И надолго ты едешь?

– На девять месяцев. Даже специально, с дневного на заочное перевелся, что бы год учебы не терять,– ответил он.

– А почему на север? И чем ты там будешь заниматься? Там же, наверное, сейчас жутко холодно?– Вера передернула плечиками, как будто жуткий северный холод добрался и до нее.

– Я хочу свое дело начать. Сейчас как раз все меняется, самое подходящее время. А для этого нужны деньги, поэтому и еду, чтобы заработать. А заниматься буду испытанием всякого оборудования, специально разработанного для использования в условиях крайнего севера.– почувствовав, что увлекся он засмеялся.– Скучно звучит, сам знаю.

– Да нет. Ты молодец.– Вполне искренне похвалила Вера.– Здорово когда человек знает, чего он хочет в жизни. Когда есть цель. Мечта.

Глядя на ее лицо, на то, как она говорит, как смешно морщит нос, и, время от времени, чуть приподнимает брови, Сергей ощутил желание дотронуться до ее по-детски припухлых губ. Погладить нежную кожу щеки. Волосы. Он тряхнул головой, отгоняя дурацкие мысли. «Совсем спятил!».

–А ты, знаешь, чего хочешь? У тебя есть мечта?– спросил он.

Вера рассмеялась:

– О, у меня очень простая мечта. Я просто хочу быть счастливой.

–А можно тоже позаимствовать чуть-чуть от твоей мечты?

Они встретились взглядами и, неожиданно, их обоих охватило безудержное веселье. Стоя на пустой, полутемной платформе, они начали хохотать и никак не могли остановиться, пока у обоих из глаз не покатились слезы, и не стало тяжело дышать, и начало тянуть и колоть в боку от долгого смеха.

Медленно, почти бесшумно, освещая путь белыми светящимися глазами, к платформе чуть покачиваясь, подплыла электричка. Вера с Сергеем вошли в совершенно пустой вагон. Усевшись на жесткое, деревянное сидение Вера сразу начала клевать носом, и через несколько минут уже крепко спала, прислонившись к широкому теплому плечу своего спутника. Сергей смотрел на отражение девушки в темном оконном стекле, и вновь щемящая нежность наполнила его. Она выглядела совсем маленькой и беззащитной. Почему-то все в жизни происходит не так и не вовремя. Мысли эти были глупыми и ненужными. Отвернувшись от окна, он стал думать о том, что еще нужно успеть сделать до отъезда, но почему то перед его мысленным взором вставало смеющееся лицо спящей на его плече девушки.

Сергею повезло. Не пришлось ему спать, промозглой осенней ночью на какой-нибудь лавочке по соседству с Вериним домом. Проводив ее до двери квартиры, он успел-таки на последнюю электричку до Москвы. И час спустя, уже звонил в дверь Вована, решив, если шумная компания уже разошлась, переночевать у него.

После третьего звонка, когда Сергей уже собрался уходить, подумав, что Вован либо спит, либо отправился вместе со своими гостями догуливать в другое место, дверь, наконец, открылась, и в дверном проеме на фоне полнейшей разрухи, возник помятый и несколько скобоченный Вован. Наряд его был великолепен. Из серии «увидев раз, не забудешь уже никогда». Непомерно большие цвета красного знамени шелковые боксерские трусы, с торчащими из них тощими волосатыми ногами, элегантно дополняли начищенные до блеска коричневые остроносые ботинки. Поклонники моды взвыли от зависти и повесились все разом.

–Красавец!– похвалил Сергей, сделав ударение на последний слог.

Вован поддернул резинку сползающих с тощего зада трусов и радостно улыбнулся:

– Серега, заходи! Все свалили. Все тут загадили и свалили, сволочи.– Вован огляделся по сторонам, оценивая размеры нанесенного ущерба. Видимо результат осмотра разгромленных владений его полностью удовлетворил, потому, что рот его снова расплылся в широкой улыбке.

–Не, ну ты видел, чего творится!– Вован лихо поддел ногой кучу валявшихся на полу тряпок, обрывков бумаги, сигаретных пачек и другого мусора. Куча, взвившись в воздух, рассыпалась по всему коридору.

–Пошли,– мотнул он головой в сторону кухни и начал пробираться вперед, на каждом шагу спотыкаясь и цепляясь длинными носами шикарных ботинок о разбросанные вещи. Алый шелк победно вспыхивал и переливался при каждом его шаге. Зрелище было потрясающее.

Вошедший на кухню вслед за хозяином Сергей устало опустился на стул, он уже так набегался за день, что ноги просто гудели. Вован уже всюю хлопотал по хозяйству. Поставив чайник, он суетился в поисках заварки, тыкаясь во все шкафы и ящики. Выдвигая и задвигая их с диким грохотом. Заварка исчезла бесследно, по-видимому, став одной из многочисленных жертв, царившего вокруг хаоса. К великой радости Вована, он нашел молотый кофе и занялся его приготовлением. Поставив турку на огонь, он как заправский фокусник выудил откуда-то початую бутылку водки.

– Давай, Серень, вздрогнем,– предложил Вован, ставя бутылку на стол.

–Хватит пить.– Сергей забрал у Вована водку и поставил на шкаф.– Утром вздрогнешь, если уж совсем будет хреново.

Вован надулся.

– Ты какой-то вообще странный стал. Нельзя быть таким скучным!– Вдруг лицо Вована снова расплылось в улыбке. Он хлопнул себя по тощей ляжке.– Ты же Ковальскую пошел провозжать!– торжествующе изрек он, ужасно радуясь, что вспомнил такую важную деталь.

– Ну и?– Вован, с видом соседки-сплетницы, выжидательно смотрел на Сергея. Он даже рот приоткрыл, еще чуть-чуть и слюна закапает от нетерпения.

– Ну и?!– подбодрил он друга, видя, что тот не спешит посвящать его в подробности столь знаменательного события.

Теряя терпение, Вован в третий раз произнес, уже с некоторым раздражением:

– Серег! Ну?

–Баранки гну.– Совсем не по товарищески, огрызнулся тот.– Чего тебе надо? Чего ты заладил ну-ну?

– Ну,– снова, уже видимо на автомате, сказал Вован,– было чего-нибудь?

–Чего было-то?– сердито вопросом на вопрос ответил Сергей.

– Серег, ну ты чего, дурак? У вас с Веркой было что-то? Ну, тебе чего жалко, что ли рассказать? Ну, мы ж дружим с детства! Ты ж знаешь, я – могила! Ну?– заканючил Вован и заерзал на стуле от любопытства. Сергей смерил его ледяным взглядом.

– Ты сам, что ли дурак, Вован? Ничего не было.– Отрезал Сергей, и то только для того чтобы Вован отвязался наконец.

Вован с заговорщицким видом закинул ноги на стол. Жесткие каблуки с грохотом стукнулись о деревянную поверхность столешницы. Вальяжно откинувшись на спинку стула, и с улыбкой умудренного жизненным опытом знатока отношений между мужчинами и женщинами, Вован торжественно заявил:

– А я знал, что тебе ничего не светит!– не дождавшись никакой реакции от Сергея, он продолжил.– У нее парень есть. Жених. В ноябре свадьба.

В ожидании эффекта произведенного этой новостью он многозначительно посмотрел на Сергея, но тот продолжал сидеть все с таким же непроницаемым лицом, как и до этого. Надо признать честно, известие о наличии жениха и предстоящей свадьбе, отчего-то были ему неприятны. Но Вовану знать об этом было не обязательно.

– Я ведь и сам к ней подкатывал, еще на первом курсе.– Продолжал вещать Вован, несколько не смущаясь молчанием собеседника.– Я, правда, тогда травы накурился, может, поэтому она мне от ворот поворот дала. Так-то бы точно не устояла.– Ухмыльнулся Вован.– Чего-то помню ей про глаза, про улыбку. Давай, говорю, отправимся в плавание по океану большой и чистой любви. А она такая грубиянка оказалась. Прямо ужас! Дурак ты, говорит, Телянин. Иди ты со своей большой и чистой любовью, знаешь куда.

Вован вздохнул, взъерошил и без того торчавшие во все стороны волосы.

– Эхе-хе! Жестокая, короче, она женщина, Ковальская эта. А жених ее, тьфу! Задрот! Я вообще не понимаю, что она в нем нашла! Она же такая, как тебе объяснить?– он с сомнением посмотрел на друга, как бы прикидывая, позволят ли его умственные способности понять столь глубокомысленные рассуждения.– Она вся такая воздушная, к поцелуям зовущая. Мечтательная такая. Ей даже преподаватель наш один сказал: «Вы, Ковальская – мечтательная натура. Вам нужно что-то легкое воздушное проектировать. Зачем Вы хотите промышленной архитектурой заниматься? Это не Ваше совсем. Вам что-то радостное нужно, уютное, дарящее тепло». А Верка, она упрямая. Глазами на него сверкнула. Надулась. «Отойдите,– говорит,– в сторону, не мешайте! Во мне инстинкт просыпается»,– процитировал Вован Шарика из мультфильма про Простоквашино. Отсмеявшись над собственной шуткой, он продолжил живописать портрет Вериного избранника. – А он, этот жених ее – приземленный, приземленной не бывает.

Этакий орангутанг.– Вован не поленился, скинул ноги со стола и изобразил скачущего орангутанга, сопровождая сие действие соответствующими звуками. Вышло бесподобно.

– Здоровый такой,– с явным неодобрением продолжил Вован, как будто это был страшнейший из недостатков Вериного жениха.– Вот как ты!– ткнул Вован пальцем в сторону Сергея, радуясь удачно и вовремя найденному сравнению.– Высоченный... Орангутанг короче.

Вован помолчал и, неожиданно погрузнев, добавил:

– И Верка ведь не любит его! Просто ломает себе жизнь, дура, и все.

– Откуда ты знаешь, что не любит?– не удержался Сергей.

– От верблюда!– Вован хитро посмотрел на друга и погрозил пальцем.– Значит тебе все-таки интересно? Ладно уж, слушай, внимай моей мудрости. Когда женщина влюблена, она светится вся и порхает как бабочка. Она смотрит на своего мужчину совершенно не так как на всех остальных и сразу видно, что вот он для нее единственный и неповторимый, а все остальные тьфу, так, особи мужского пола, существа похотливые и бесполезные.– Вован перевел дух, и, чуть не лопааясь от гордости, заявил,– Ну я, блин психолог! Может, я не там учусь, может, гублю, зарываю свой талант? – он посмотрел на Сергея и, по сложившейся за этот вечер традиции, он говорит – Сергей молчит, быстренько закончил свой психанализ.– А Верка не светится и не порхает. И не смотрит, так как я сказал, а так же смотрит, как и на всех остальных. Уф!– шумно выдохнул Вован, утомившись от своей длинной речи. Минут пять он сидел молча, думая о чем-то своем. Лицо его, впервые за сегодняшний вечер, сделалось серьезным и даже немного грустным.

– Когда ты на свой северный полюс-то отправляешься, Амундсен?– как можно более равнодушно спросил Вован.

– Через неделю. И не на полюс, а в Якутию, я же тебе говорил, орангутанг ты необразованный.– Усмехнулся Сергей. Он вдруг почувствовал, что сильно устал и глаза у него слипаются.

– Пошли спать, Вован.– сказал он, вставая.

– Ага, разбежался спать, тут еще место найти надо, где спать. Ведь всю же квартиру засрали. – проворчал, почти полностью протрезвевший Вован. Его уже не восхищало и не радовало то, что сотворили сегодняшние, вернее уже вчерашние гости с его некогда уютным домом.– Завтра придется дворничиху звать. Она за определенную сумму умеет в сказочную фею превращаться. Я домой прихожу, а тут все как было, даже лучше. А если еще чуть-чуть заплатить, она даже косметический ремонт наколдовать может.– Зевая, во весь рот, сказал Вован.

26.09.1990г.

– Вер!– раздраженно крикнула сестра, в очередной раз, попытавшись стащить одеяло с не желающей просыпаться Веры. Одеяло не поддалось, и она стала трясти его вместе с тем, что находилось под ним.– Я уже пятый раз тебя бужу! Я на работу из-за тебя опоздаю!

– Сейчас встаю,– жалобно застонало из-под одеяла.

– Я это уже слышала! Все. Я ухожу. Проспишь, сама будешь виновата,– исчерпав все угрозы, сестра направилась к двери, но, вспомнив самое важное, остановилась на пороге комнаты:

– Ты вчера во сколько пришла? Я в полдвенадцатого легла, тебя еще не было.

– Я не помню. Не знаю. Я напилась.– У Веры не было сил что-нибудь придумывать. Она решила сразу все рассказать, лишь бы ее оставили в покое. Лохматая, заспанная голова, наконец, показалась из-под одеяла.

Брови сестры взметнулись вверх. Она немного постояла, переваривая информацию.

– И как ты до дома добралась среди ночи да еще пьяная?– видимо, ей нужна была вся правда, с подробностями. Как же без них.

– Меня проводили.– Вера слегка помотала головой, проверяя ее на пригодность к дальнейшей эксплуатации.– У меня голова болит,– сказала она, в надежде, что сестра отстанет и уйдет, но не тут-то было. Та, уже совершенно забыв, что еще две минуты назад опаздывала на работу, вернулась к кровати и встала рядом с младшей сестрой, сверля ее взглядом посланца инквизиции.

– Пить надо меньше, и голова болеть не будет.– С чопорным видом особы из королевской семьи заявила она.

– Отстань,– простионала Вера и вылезла, наконец, из-под одеяла. С трудом, надев халат и тапки, она поплелась в ванную, умываться и заодно спастись от несносного занудства и поучительных нотаций.

– Тебе Сева звонил вечером,– ледяным тоном сообщила ей вслед сестра.

– И чего он хотел?– без особого интереса спросила Вера.

– Узнать под каким забором тебя искать!

– Ха-ха! Как остроумно,– вяло огрызнулась Вера. Сестра осуждающе посмотрела на нее: – Он сказал, что у него изменились планы, и он сегодня не сможет приехать,– не дождав-шись ответа, морально устойчивая, не склонная к порокам и невоздержанности сестрица не смогла удержаться и добавила с явным ехидством.– Наверное, нашел себе другую, непьющую.

– Ага, и без родственников...– сказала Вера и захлопнула дверь перед ее носом.

Сева нередко отменял или переносил их свидания под разными предлогами. Обычно Вера это немного огорчало и злило, и иногда она даже обижалась и устраивала разборатель-ства. Но сегодня она не только не огорчилась, но даже была искренне рада, что его планы изме-нились. Сегодня ей было совершенно все равно, по какой причине он не может приехать на этот раз и какую там непьющую, некурящую или не говорящую, он себе нашел. На этот раз у нее были свои собственные, очень определенные планы – дожить до конца занятий, доехать до дома и рухнуть в свою постель. Больше ей сегодня ничего не нужно.

–Вован! Тебе во сколько вставать нужно? Ты в институт сегодня пойдешь?– Сергей с силой тряс безвольное, не подающее признаков жизни, тело.– Вован!!! Вставай. Я кофе сварил.

– Серега отстань!– Вован наконец зашевелился и даже дрыгнул ногой в надежде лягнуть надоедливому другу, но удар не достиг цели и нога безвольно плюхнулась на пружинный мат-рац родительской кровати. Ночью, в поисках более-менее пригодного для сна места они обна-ружили, что изо всех помещений квартиры только родительская спальня почти не пострадала от нашествия буйной молодежи. И, недолго думая, завалились спать в святая-святых, кровать которую, когда находились в Москве, делили супруги Телянины.

–Вов!– не унимался Сергей.

–Че, ты пристал?! Не иду я ни в какой е...й институт, пошел он на ...! Понял!– заорал Вован и тут же мучительно скривился от боли, потому что в голове у него разорвалась малень-кая граната. Вован осуждающе посмотрел на Сергея, как на главного виновника всех своих страданий, и с головой скрылся под одеялом.

– Вован!– не унимался на удивление не чуткий Сергей.

– Что?– взвизгнул Вован. Еще одна граната взорвала остатки бедного измученного мозга. Вместе с одеялом он начал отползать к дальнему краю необъятной кровати, надеясь спастись от надоедливой и бессердечной друга детства.

– Во сколько у вас занятия заканчиваются?

Вован застонал и с видом мученика сел, сверля Сергея неприязненным взглядом мутных воспаленных глаз.

–Ты придурок?!– почти с сочувствием спросил Вован.– Тебе какая разница?! Ты чего из Бауманки к нам решил перевестись? Хочешь узнать, подойдет тебе график или нет?!– Заорал он, наплевав на свою несчастную, многострадальную голову. – Не помню я во сколько. Ты чего

пристал-то ко мне?! Уйди!– умоляюще простонал Вован, третий взрыв в голове лишил его последних сил. Он в изнеможении откинулся обратно на кровать. Гигантский матрас, бережно принял почти безжизненное тело и несколько раз плавно качнул его вверх и вниз, успокаивая и убаюкивая. Сергей пошел к двери.

– В 3.15– раздался слабый голос из-под одеяла.

Сережа Кречетов и Володя Телянин подружились в самый первый в своей жизни учебный день. На первой же перемене, когда 1-й «Б» отправился в столовую, доверчиво семеня маленькими ножками вслед за своей учительницей Натальей Степановной. Самый страшный хулиган начальной школы, третьеклассник Васька Зубов, заметив, что Наталья Степановна, не оглядываясь назад, уверенно прокладывает путь по школьному коридору, с силой ухватил одного из ее питомцев. Мелкого, тощего, с железными брекетами на зубах. И поволок его в сторону. Васька крепко прижал к стене свою добычу. И когда Наталья Степановна, не заметив пропажи своего подопечного, завернула вместе со всем остальным классом за угол, Васька, что было сил, тряхнул свою жертву за лацканы синенького школьного пиджачка и, показав здоровый кулак спросил: «В рыло давно не получал?».

Васька обожал пугать и мучить тех, кто младше и слабее его. Ему нравилось издеваться. Слезы и мольбы малышни доставляли ему истинно садистское наслаждение. И он уже радостно предвкушал, как заморыш с железками на зубах сейчас расплачется и начнет проситься к мамочке. Но Володя Телянин не был похож на тех, кого привык мучить и третировать Васька. Он с интересом посмотрел на Васькин кулак и, ухмыльнувшись, сказал: «А ты?». От неожиданности Васька на некоторое время впал в ступор. Придя, в конце концов, в себя, он замахнулся на наглого сопляка. И уже готов был расквасить ему нос или наградить фонарем под глазом, как вдруг, совершенно неожиданно сам получил достаточно болезненный удар кулаком в живот, но не от замухрышки, которого он продолжал крепко держать, а от другого первоклашки, правда чуть пошире и повыше этого. Васька впервые за свою недолгую жизнь встретил отпор. Причем, сразу от двух малявок и пришел в полное замешательство. Зато мелкие шпингалеты, быстро сориентировавшись, набросились на него и достаточно сильно поколотили.

Первое сентября закончилось для родителей Сережи и Володи вызовом в школу, в кабинет директора, а для самих малолетних нарушителей порядка раз и навсегда сложившейся дружбой, сразу же проверенной в боевых условиях.

Сережа и Володя были настолько же разными как соленое и сладкое, как ночь и день, как лето и зима. Но их дружба была от этого только крепче. Они тянулись друг к другу и были практически неразлучны.

Сергея растила мама, работавшая инженером в конструкторском бюро. Отец умер, когда Сережа был совсем маленьким, он его и не помнил почти. Мама старалась придерживаться строгих правил в воспитании сына, что бы он, не вырос тряпкой или размазней, что бы умел справляться с жизненными трудностями. Она очень переживала и боялась, что без мужского участия не справится с задачей вырастить из сына настоящего мужчину, каким был его отец. Переживала зря. И справилась, и вырастила. Сережа с раннего детства был очень серьезным, увлеченным мальчиком. Любил что-то мастерить, изобретать. Все время что-то паял, конструировал. Много читал. Обожал футбол. И был наделен обостренным чувством справедливости. Именно поэтому когда отставший от класса, по причине посещения туалета, Сережа увидел, что Васька Зубов вот-вот врежет его однокласснику, он, не раздумывая, бросился на помощь, хотя Васька был намного больше и сильнее.

Володя Телянин родился в семье, где всем руководила мать – Алина Николаевна, женщина властная, решительная и необыкновенно деятельная. Володя был поздним ребенком. Когда он появился на свет, родителям было уже далеко за тридцать. Алина Николаевна обожала сына, тряслась над ним, и Володя вертел матерью как хотел. Отца, Родиона Петровича,

занимавшего серьезный пост при Министерстве иностранных дел, постоянно отправляли в загранкомандировки и, во время отсутствия родителей с Володей оставалась бабушка, мать отца. Бабушка придерживалась иных методов воспитания, нежели ее невестка. Она не давала внуку спуска и драла его нещадно ремнем за нескончаемые проделки и проказы. Но строгое воспитание бабушки давало абсолютно тот же результат, что и чрезмерное обожание матери – то есть никакой. Бабка наказывала внука за очередную выходку, била, что называется, пока рука не устанет, он стойко переносил наказание, никогда не проронив ни одной слезинки, и тут же шел и вытворял что-нибудь новое. Володя никогда не жаловался, ничего не подозревающей матери, на бабушкину «науку», как она это называла. Он вообще не был маменькиным сыночком, несмотря на то, что Алина Николаевна носилась с ним как наседка, опекая сына во всем. Отец, конечно, тоже очень любил Володю, но он настолько был под каблуком у своей жены, что его отношения с сыном, за редкими исключениями, сводились к «спроси у мамы» и «если мама согласится, то так и сделаем».

После беседы с директором школы родители, естественно, захотели узнать, почему их дети затеяли драку в свой первый же учебный день.

Мама Сережи, очень расстроенная, с красными пятнами от волнения, на щеках, едва сдерживая слезы, усадила сына рядом с собой и дрожащим голосом спросила:

– Сережа, ну как ты мог?

Маленький Сережа с удивлением посмотрел на мать. Он совершенно не мог понять, что он сделал не так и из-за чего мама так расстроилась.

– Сережа, – снова обратилась к сыну Галина Андреевна, – я чуть со стыда не сгорела! Первый день в школе, и ты устроил драку! – она судорожно вздохнула. – Ты же добрый мальчик. Ты всегда всем помогаешь. И вдруг вы вдвоем набрасываетесь на одного мальчика и бьете его. – Галина Андреевна не выдержала и расплакалась. К сожалению, родителям драчунов не продемонстрировали «несчастную жертву». – Это же подло, Сережа! Двое на одного, так нельзя!

Сергей смотрел на мать широко раскрытыми глазами. Почему она считает, что он поступил подло? Он ведь просто защищал более слабого Вовку, своего друга. Сергей тяжело задыхался, зашмыгал носом. Очень хотелось расплакаться, уткнуться матери в колени и объяснить, что ничего подлого он не сделал. Что Васька Зубов, вот кто подлый, он мучает малышей. Но Сережа не мог позволить себе заплакать – он же мужчина, он мамина опора. У мамы никого больше нет. Он должен защищать и оберегать ее, а получается, что она расстраивается из-за него. На душе сделалось ужасно скверно.

– Сергей! – прикрикнула мать, приняв его молчаливое сопение за упрямство или за нежелание отвечать ей. Не дождавшись никакого ответа, Галина Андреевна строго сказала. – Значит так! Ты, Сергей, наказан. Неделю никакого футбола и никаких игр. Уроки и помощь мне по дому. Ты меня понял?

– Угу. – Это было все, что он смог ответить, потому, что слезы душили его, норовя выплеснуться наружу обильным потоком. Он чувствовал себя очень несчастным от несправедливости происходящего и от того, что мама считает, что он поступил подло и еще потому, он жить не может без футбола. Это самое страшное для него наказание. «Ненавижу Ваську Зубова!» – думал Сергей.

Разговор был окончен. Мама встала и пошла, готовить ужин, а Сережа украдкой смахнул предательскую слезу, которая умудрилась-таки выкатиться из глаза.

В то же самое время в квартире Теляниных шел семейный совет. Соведавшихся было двое: Алина Николаевна и Родион Петрович. Председательствовала, Алина Николаевна, а Родион Петрович исполнял роль слушателя.

– Родик!– взывала к мужу Алина Николаевна с трагическим выражением лица.– Мне кажется, эта школа не подходит Вовчику. Подумать только, первый день, а бедный ребенок уже оказался вовлечен в какую-то почти криминальную историю.

– Лина,– решился выразить скромное мнение Родион Петрович,– мне кажется, ты преувеличиваешь... Он же мальчик. Мальчишки всегда дерутся.

– Правильно, давай подождем, пока ребенка искалечат!– взвилась Алина Николаевна.

– Ну насколько я понял это они с другом побили того мальчика,– вновь попытался возразить не в меру строптивый сегодня супруг.

– Родик! Ты должен устроить перевод Вовчика в нормальную школу! Где не будут учиться малолетние бандиты.– Безапелляционно заявила Алина Николаевна. Муж по опыту знал, что возражать или спорить бессмысленно и себе дороже, поэтому тут же согласился и сказал:

– Хорошо Лина, скажешь в какую школу, и я все устрою.

Родион Петрович уже хотел быстренько ретироваться с кухни и скрыться у себя в кабинете, но властный взгляд супруги пригвоздил его к стулу.

– Нам еще нужно поговорить с Вовчиком. Господи, бедный ребенок! Такой стресс!.. Да, кстати,– спохватилась Алина Николаевна,– что ты имел в виду, когда сказал про друга Вовчика?– обратилась она к мужу и, как всегда, не дожидаясь ответа, продолжила,– Что общего может быть у Вовчика с этим мальчиком? У нашего сына не может быть друга-уголовника, вовлекающего его в драки!

Родион Петрович не выдержал и даже чуть-чуть повысил голос:

–Лина! Ради бога! Это же дети, ну какие уголовники?

Алина Николаевна с упреком посмотрела на мужа, и уже хотела обвинить его в бесчувственности и безответственности, но решила, что сейчас важнее всего поговорить с бедным ребенком, пережившим тяжелое потрясение.

– Вовчик!– пропела она нежным голосом, полным неприкрытого обожания.– Вовчик, иди сюда. Нам с папой нужно с тобой поговорить.

В дверном проеме возникла маленькая взъерошенная фигурка Вовчика. Алина Николаевна взяла сына за руку и притянула к себе.

– Сынок!– торжественно сказала она и погладила Володю по лохматой голове,– Ты не волнуйся, больше ты в эту школу не пойдешь, мы с папой решили, что она тебе не подходит. Мы переведем тебя в другую, хорошую.

– Я не хочу в другую,– сказал Вовчик,– мне в этой нравится. У меня тут друг. Сережка.

Алина Николаевна обняла любимое чадо.

– Вовчик! Ну, какой друг? Этот хулиган, который вовлек тебя в драку, в которой ты мог пострадать?

– Он не вовлекал,– сказал Вовчик.– Он меня защищал.

Алина Николаевна вытаращила глаза.

– От кого?– спросила она, схватившись за сердце.

– От Васьки Зубова. Когда он меня утащил и побить хотел.

Алина Николаевна в ужасе смотрела на сына. Все было еще страшнее, чем она думала, ее сына вообще, оказывается, могли сегодня похитить, покалечить и убить!

– Родик!!! Что ты молчишь? Ребенка чуть не убили.– Задыхаясь, выкрикнула она. Родион Петрович издал странный звук, подозрительно похожий на сдерживаемый смех. Сделав над собой усилие, чтобы успокоиться, он обратился к сыну:

– Володя, давай-ка, расскажи нам с мамой все по порядку. С чего там у вас все началось и чем закончилось. Хорошо?

– Хорошо,– кивнул Вовчик и, глядя на родителей ясным безмятежным взглядом серых глаз, рассказал всю историю от начала до конца. К концу его рассказа Алина Николаевна нахо-

дилась в предобморочном состоянии и ловила воздух ртом, а Родион Петрович, закрыв лицо руками, сотрясался от беззвучного смеха. Положительный результат был налицо, во-первых, Вовчика решено было все-таки оставить в прежней школе. Естественно, Алина Николаевна решила завтра же снова посетить кабинет директора школы и на этот раз провести воспитательную беседу с ним самим по поводу безответственности и попустительства с его стороны. А, во-вторых, с этого момента и на всю оставшуюся жизнь Сережа Кречетов из малолетнего уголовника превратился для Алины Николаевны в нежно любимого голубчика Сереженьку. Со временем, говоря о Володе и Сереже вместе, она говорила «мои дети».

Подкаблучник Родион Петрович не зря занимал свой высокий пост в министерстве. Он умел направить разговор в нужное русло, разъяснить и разрешить любую ситуацию не только в масштабах одной отдельно взятой школы, но и на международном уровне. Единственное, что ему никогда не удавалось, так это справляться с собственной супругой.

Успокоившись и выпив сердечных капель, Алина Николаевна потребовала, что бы ее мужчины оделись «прилично, на выход», и семейство Теляниных, в полном составе, во главе с Алиной Николаевной, отправилось в соседний дом знакомиться и налаживать контакт с Кречетовыми. Адрес которых, по указанию жены, по своим каналам быстренько раздобыл Родион Петрович.

Появление шумного, шикарно разодетого семейства Теляниных в маленькой, скромной квартирке Кречетовых сильно смутило Галину Андреевну, не привыкшую к таким бурным проявлениям эмоций. А уж тем более со стороны практически незнакомых людей. Когда все, наконец, немного успокоилось и кое-как разместились в малюсенькой кухоньке, и первая неловкость прошла, дипломатичный и интеллигентный Родион Петрович, быстро и четко разъяснил Галине Андреевне ситуацию со школьной дракой. Все обвинения с Сережи были сняты и мир в семье Кречетовых восстановлен. Справедливость восторжествовала, а Алина Николаевна заявила, что Сереженька герой и спаситель ее Вовчика. И он должен обязательно пойти в выходные вместе с ними в цирк. Галине Андреевне, естественно, ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Вера с группкой однокурсников вышла из здания института. На невысоком заборчике, напротив входа, сидел Сергей. Увидев Веру, он легко спрыгнул на землю и пошел ей навстречу.

– Привет,– улыбнулась Вера.– А Вовки сегодня не было. Прогулял после вчерашнего.– Сообщила она.

– Я знаю.– Признался Сергей.– Вообще-то, я тебя ждал. Хотел тебя в кино пригласить, ну или еще куда-нибудь сходить.

– О!– Верины губы сложились уже знакомым бубликом. Она явно была в растерянности.– Я не знаю... Я... Я не могу.– Она посмотрела на Сергея и как-то, как ему показалось, грустно сказала. Хотя, конечно, может ему просто хотелось думать, что грустно.– Вообще, ты знаешь, у меня молодой человек есть. У нас свадьба через два месяца.

У нее два месяца в запасе, у него пять дней. Отступить было некуда. Да он и не хотел.

– Вер, я в следующий вторник улетаю. Просто хотел сходить с тобой куда-нибудь до отъезда. Пообщаться. Просто по дружески.

Это была полная чушь, самое глупое объяснение в его жизни. А это «я в следующий вторник улетаю» звучало вообще как «Вы же не откажете умирающему в последней просьбе?» Но у него не было времени разводить церемонии, он действительно улетал, улетал надолго. А к моменту его возвращения она вообще уже будет замужем.

– О!– маленький рот снова округлился, и тут они оба неожиданно рассмеялись. Это уже становилось их личной традицией, начинать одновременно хохотать совершенно без повода.

– Ладно, пошли,– решила она.

Они решили пройтись до ближайшего кинотеатра пешком. По дороге Сергей рассказывал смешные истории из их с Вованом детства. Рассказал, как они однажды вместе были в пионерском лагере. Вован с большим трудом уговорил мать отправить его вместе с Сергеем в обычный лагерь, в котором отдыхали дети простых советских граждан, а не высокопоставленных партработников, дипломатов и писателей. Алина Николаевна, предварительно взяв с Сережи клятвенное обещание, что он будет присматривать за ее сыном, и Вовчик вернется домой живой и здоровый, с тяжелым сердцем, но согласилась.

К концу первой смены пребывания Володи Телянина в лагере, начальник, Федор Борисович, грузный, лысый дядька, успел превратиться в невротика и параноика, опустошил все запасы лагерного медпункта на предмет успокоительных и сердечных лекарств, потерял сон и аппетит. И, когда приехавшая на служебной машине мужа Алина Николаевна, заявила, извиняющимся тоном, что, к сожалению, ей придется забрать «своих детей». Так как мужу неожиданно дали отпуск, и они все едут в санаторий на море, Федор Борисович, прямо на глазах, помолодел лет на десять и только, что колесом не прошелся на радостях. Видя его волнение, Алина Николаевна, не желая обижать милого и приятного человека, так переживавшего, что двое его воспитанников покинут лагерь и не останутся на вторую смену, что бы как то успокоить его и подбодрить, правда с большим сомнением, сказала: «Может быть на третью смену...» Федор Борисович пошел пятнами и начал ловить воздух ртом и успокоился только тогда, когда мать ненавистного ему Телянина, сказала: «Хотя вряд ли получится в этом году. У нас планы... уж извините, Федор Борисович. Может на будущий год...» Федор Борисович страстно облобызал ей ручку, совершенно искренне заявляя, что какие уж тут обиды. Он все понимает.

Потом он, самолично запер лагерные ворота за их отъезжающей машиной, видимо, что бы собственными глазами убедиться, что маленькое чудовище покинуло вверенную ему территорию.

Еще Сергей рассказал, как в шестом классе Вован влюбился в девочку из параллельного класса Иру Лаврову. Она пару раз сходила с ним в кино, а потом, переметнулась к более-старшему мальчику, в которого были влюблены почти все девчонки из их школы. У него был мопед и, когда он заехал за Ирой после уроков, Вован заявил ей: «Лаврова, если ты сейчас с ним уедешь, я из окна выпрыгну!» Ирка засмеялась, считая это пустой болтовней и сказала: «Да прыгай, мне-то что!», села на мопед и укатила. А Вован поднялся на третий этаж и, войдя в первый попавшийся класс, открыл окно и сиганул вниз. Что тут началось! Учителя бегают, за голову хватаются. Скорая приехала, милиция. Алина Николаевна прибежала, а потом Родион Петрович прикатил на своей шикарной служебной машине. Директор школы ни жив, ни мертв, трясется стоит. Больше всего гнева Алины Николаевны боится. В общем, целое свето-представление. А, виновник всего этого переполоха, Вован только руку вывихнул и об кусты поцарапался. Про Ирку он никому не сказал, а чего-то там наплел про проверку возможностей человеческого организма, что он эксперимент проводил. Но впервые за все время, что его Сергей знал, он видел, как Вован плакал. Ему мать жалко стало и стыдно перед ней, что ей из-за него такое пережить пришлось. И он очень долго просил у Алины Николаевны прощения и руки ей целовал, и обещал исправиться и вести себя как нормальные дети. И целый месяц после всей этой истории вел себя примерно. Потом Ирку Лаврову ее принц бросил, и она к Вовану прибежала. Ты говорит мой герой, даже в окно из-за меня выпрыгнул. А Вован посмотрел на нее с удивлением и говорит: «Дура ты, Лаврова! С чего бы я стал из-за тебя в окно прыгать? Я просто эксперимент ставил. Ты тут вообще причем?» Ирка в слезы, а Вован с тех пор даже не смотрел в ее сторону.

Рассказал, как в детстве он сам был просто болен футболом, а Вован не любил футбол, но ходил с ним на все тренировки и на все игры и, сидя где-нибудь в сторонке, рисовал. Рисовал все, что видел – людей машины, дворовых кошек, небо, деревья. Потом, когда Сергей уже совсем серьезно заниматься стал и ходил в школу футбола, ездил на межреспубли-

канские игры, он получил очень серьезную травму колена, долго лежал в больнице, считая, что жизнь его закончилась, потому, что закончилась, едва начавшись, его футбольная карьера. Вован приходил к нему в палату каждый день. Иногда даже прогуливал школу и приходил с раннего утра, сидел целый день на широком больничном подоконнике и рисовал. Сергей в те дни ни с кем не хотел говорить. И Вовка Телянин, который в принципе не умел спокойно сидеть и тем более молчать, сидел и молча рисовал, и молча показывал некоторые из своих рисунков, которые считал наиболее удачными, а потом говорил: «До завтра»– и шел домой.

Какое-то время Сергей шел молча, полностью погрузившись в воспоминания. Прикосновение Вериной руки вернуло его к реальности.

– Извини, задумался,– смущенно улыбнулся Сергей.

– Смотри!– Они проходили мимо школьного стадиона, и Вера с улыбкой показала ему на мальчишек, бегающих за мячом по футбольному полю.

– Ну, что покажешь этим салагам как нужно играть?

Сергей с удивлением посмотрел на нее. Предложение было настолько неожиданным, что он даже растерялся:

– Да ладно! Ты чего, это же мальчишки!– засмеялся он. Но Вера видела, как загорелись его глаза, как он весь подобрался, готовый ринуться вперед, на поле.

– Я буду там...– она махнула рукой в сторону импровизированной трибуны для зрителей, на которой сидело, лузгая семечки, несколько юных болельщиков. Время от времени они выкрикивали, что-то в адрес игроков.

Не дожидаясь ответа, Вера направилась к дырке в заборе, сделанной как раз рядом с трибунами. Сергей, отбросив сомнения, как в детстве, перемахнул через забор и, снимая на бегу куртку, направился к маленьким футболистам.

Мальчишки сначала настороженно отнеслись к появлению взрослого дяденьки среди них. Но после того как Сергей ловко отбил несколько атак, и особенно когда команда, к которой он присоединился, забила два гола подряд, благодаря его умелым передачам, они забыли о разнице в возрасте. Он стал для них своим. В какой-то момент Сергей оглянулся, ища глазами Веру, и увидел ее, сидящей среди пацанов болельщиков. Она грызла вместе с ними семечки, смеялась, угощала их жвачкой, которой в больших количествах, регулярно снабжал ее Телянин. Так же как и мальчишки, Вера вскакивала с места и кричала: «Давай! Давай! Давай! Бей! Гол!». Потрясающая в воздухе маленькими кулачками. Раскрасневшаяся, взволнованная она выглядела не на много старше их, как будто старшеклассница забрела на школьное поле поболеть за младшего братишку.

После того как были сыграны две игры, к великому сожалению мальчишек, Сергей, пожелав им удачи и спортивных успехов, пошел к Вере. Он тяжело дышал, рубашка промокла насквозь от пота, и он слегка прихрамывал, перетрудив, с непривычки, больное колено. Но его лицо озаряла счастливая мальчишеская улыбка. Глаза горели возбуждением и азартом.

– А ты, оказывается, заядлая болельщица!– поддразнил он Веру, которая, с очень довольным видом, пробиралась к нему, прощаясь со своими юными знакомцами.

Сергей протянул руку и помог ей спуститься на землю.

– Да нет.– Вера засмеялась.– Я сегодня вообще первый раз смотрела футбол. Ну, так, что бы действительно следить за игрой, болеть, переживать.

На душе было, почему-то, очень радостно.

– Знаешь, у меня в последние два дня столько важных событий: в первый раз напилась, в первый раз мучилась похмельем, в первый раз смотрела футбол.

Смеясь, она взяла Сергея под руку.

«Да, у меня тоже важное событие – взял и влюбился, можно сказать, с первого взгляда»– подумал Сергей. Но озвучивать свою мысль не стал. Глупости это все. Его спутница без пяти минут замужня дама. Сергей разозлился, главным образом на себя самого. Что вообще ему

лезет в голову? Вера почувствовала перемену в его настроении, обогнав его на полшага, она вопросительно заглянула ему в лицо. Вообще, она обычно чувствовала некоторую неловкость с малознакомыми людьми. Но с Сергеем, ей, почему то, было легко. Наверное, он человек такой. Есть же люди, с которыми ты просто на одной волне.

– Ты чего?– спросила она.– Что то случилось?

Он уже взял себя в руки.

– Все нормально. Ой, мы же в кино собирались!– он только сейчас вспомнил об их первоначальном плане.

– Да ну его!– Вера беспечно махнула рукой.– Мне больше понравилось болеть. И мальчишки эти такие смешные!

– Ты их всех очаровала,– улыбнулся Сергей.– Уверен. Они все за это время успели в тебя влюбиться. Мальчишки, в этом возрасте, любят более-старших девочек.

– В меня в седьмом классе влюбился мальчишка младше меня. Он ходил за мной везде. Он срывал мне свидания. Сидел под дверью квартиры. Звонил, писал записки.

– Ты была жестокая сердцеедка?

Вера засмеялась.

«Я больше не должен с ней встречаться.– Неожиданно подумал Сергей.– Провожу ее сегодня, попрощаюсь и все».

– Когда ты уезжаешь?– спросила Вера, выбрав самый неподходящий момент для своего вопроса.

– Сегодня четверг? Значит через пять дней.

Ей стало грустно. С ним было хорошо. Ну, что уж там ходить вокруг да около. Он ей нравился. Ну и, что? Ей просто приятно с ним общаться. Он просто очень хороший... Вера мысленно одернула себя. Хорошо, что он уезжает. Вообще неправильно было идти с ним, не важно, куда. Она не должна была соглашаться сегодня. Может она правда слишком легкомысленная?

Разговор не клеился. Они шли погруженные, примерно, в одни и те же мысли относительно друг друга.

Хорошо, что уже все решено. Он уезжает. Она выходит замуж. Просто случайная встреча. Маленькое, безобидное романтическое приключение. С кем не бывает?

Они доехали до Вериного дома, обмениваясь, в основном, ничего не значащими фразами. Возникшее между ними чувство близости было глубоко запрятано, на смену ему пришла несколько неестественная сдержанность.

Было еще светло, и Сергей не стал подниматься с ней до квартиры, простились на улице. Сергей поблагодарил за приятный вечер, пожелал всего хорошего. Она пожелала ему удачной поездки, тоже поблагодарила за вечер. Все как положено у хорошо воспитанных, ничего не значащих друг для друга людей.

Вера поднялась по ступенькам крыльца подъезда. Сергей повернулся и пошел в сторону станции. Все было кончено.

– Вера!

Она обернулась. Сергей подошел к ней.

– Я завтра еду к другу в деревню. Он только вернулся из армии, и мы давно не виделись. А теперь вот я уезжаю. Нужно встретиться.– Сергей помолчал.– В пятницу я вернусь. Мы можем встретиться?

«Я почти уже замужем. Конечно, мы не можем встретиться. Я должна сказать нет».

– Да.– Сказала Вера. Ужасно радуясь, сама не зная чему.

«Как жалко, что он не может меня поцеловать»– подумала она.

Когда Сергей и Вован учились в девятом классе, к ним пришла новенькая, Лара Липницкая. Высокая, красивая девочка сразу поразила воображение Сергея, даже не столько красотой, а скорее необыкновенно уверенной манерой держаться. На фоне остальных одноклассников, неуклюжих, угловатых подростков, Лара выглядела царственной особой в окружении челяди. Обожание Сергея проходило на расстоянии. На переменах он украдкой бросал на нее взгляды, во время уроков влюбленно смотрел на ее спину со спускающейся по ней длинной, светлой косой. Во время школьных концертов, на которых Ларе всегда поручали читать стихи, он сидел замерев на месте, не сводя с нее восторженного взгляда. Лара читала громко, с выражением, красивым великолепно поставленным голосом. Глядя на нее, Сергей чувствовал, как его сердце бешено стучит в груди от переполняющего его чувства. Дома, лежа по вечерам в кровати, он представлял, как на Липницкую нападают хулиганы, а он спасает ее, и Лара с благодарностью улыбается ему и целует его в щеку. Дальше его фантазии не заходили. Вован неоднократно говорил другу:

– Да чего ты, Серег! Да пригласи ты ее в кино или еще куда-нибудь. И дело с концом. Хочешь, отец билеты куда-нибудь достанет, что бы уж поразить ее совсем.

Сергей так и не решился. В конце концов, Вован отстал. Не хочет и не надо. Может человеку нравится просто так, издали, страдать. Сам он выбор Сергея не одобрял, считая Лару надменной задавакой, но свое мнение держал при себе, уважая чувства товарища.

Так Сережа страдал и вздыхал два года, до окончания школы. Во время выпускного, он, наконец, отважился приблизиться к объекту своего обожания и пригласил Лару на танец. Он чуть не задохнулся от волнения, когда маленькие изящные руки легли ему на плечи. Собрав всю смелость в кулак, он пригласил Лару на свидание.

– С чего это вдруг?– кокетливо спросила она. И Сергей решился, сейчас или никогда.

– Ты мне два года нравишься.– Признался он, боясь, что и Лара и весь зал услышит, как бухает сердце в его груди. Лара рассмеялась.

– И куда же мы пойдем? В кафе мороженое или в кино?

– Куда хочешь,– смущенно сказал Сергей.

– Не трать время зря, Кречетов. Ничего не получится,– усмехнулась Лара.

– Почему?– чужим, глухим голосом спросил Сергей, почувствовав как сердце, бухнув в последний раз, теперь проваливается в бездонную пропасть.

– Да потому. Ты бесперспективный, понимаешь? Вот сейчас ты школу закончил, в институт пойдешь, а потом? Будешь всю жизнь где-нибудь инженером работать, свои 180 рублей получать. И что? Неужели ты думаешь, что я о такой жизни мечтаю. Вот если бы меня Телянин пригласил, я бы подумала. Хоть он и придурок, конечно, но у него папа в Министерстве работает, так, что сынок, наверняка дипломатом будет ну или еще кем-нибудь с хорошей должностью. Понимаешь? Жизненная перспектива!– Лара рассмеялась своим чистым звонким смехом. Видимо от выпитого шампанского ее обычная сдержанность уступила место желанию поговорить. – Но знаешь Кречетов, в жизни ведь всякое бывает. Если, вдруг, выбьешься в люди, тогда поговорим. Шанс у тебя есть, внешне ты мне всегда нравился,– игриво взглянув на Сергея, закончила она.

Сергей ошеломленно смотрел на свою собеседницу. В милых нежных устах молодой девушки эта циничная речь, расчетливой торговки звучала настолько вульгарно и отвратительно, что он буквально оцепенел, и лишился дара речи. За два года он создал в своей душе чистый, светлый образ возлюбленной, возведя ее, почти, до ранга святой и теперь, в один миг, этот образ рассыпался, превратившись в прах, и на его месте осталась болезненная пустота.

Сергей осторожно снял девичьи руки со своих плеч и, не оборачиваясь, пошел к выходу из зала.

– Эй, Кречетов, ты куда? Сергей! Ладно, уговорил, схожу с тобой в кино,— донесся до Сергея голос Лары. Он не обернулся, не ответил. Выйдя из здания школы, он долго бродил по ночным Московским улицам.

После этого у него были и хорошие, и милые девушки. Но ни разу не екнуло в груди, ни разу сердце не начало колотиться как сумасшедшее. Не возникло чувство того, что поскорее бы дожить до следующей встречи. Не из-за Лары Липницкой, растоптавшей его первую, чистую, детскую любовь, а просто от того, что не встретил еще ту самую. Единственную.

27.09.1990г.

В деревне осень была значительно заметнее, чем в Москве. Деревья стояли совсем голые. Было холодно. Дороги развезло. И, пока добрались до дома Филимона, чуть ли не по пояс вымазались в раскисшей глине.

Филимон радостно доставал из рюкзака водку и закуски, купленные в деревенском магазинчике. Расставляя все это богатство на столе, он рассказывал Сергею деревенские новости и сплетни.

Сергей с Филимоном, который был на самом деле никакой не Филимон, а Димка, просто фамилия Филимонов, знали друг друга почти с пеленок. Мать каждое лето отправляла Сергея к бабушке в деревню. Филимон был на два года младше Сергея. Он родился в деревне. Когда Сергей приезжал погостить, они были не-разлей вода. Их дружба стала менее тесной только после школы – сначала Сергей ушел в армию. Потом Филимон. За последние пять лет они виделись всего-то раза три. Филимона призвали на Морфлот, и он служил три года. И в отпуске за это время был только один раз. Именно поэтому, Сергей не мог уехать, не повидавшись с только, что вернувшимся другом детства.

Вечером истопили баню. Напарились. Мать Филимона напекла пирогов, наготовила в настоящей русской печи всяких вкусностей.

После бани пили водку. Разговаривали. В маленькой комнатке было жарко натоплено. После бани и от выпитого, разговор получался неспешный, тягучий. Клонило в сон.

– Я, Серега, в Москву в феврале уезжаю,— сообщил Филимон.— В школу милиции. Учиться.

– Ментом будешь?— поддразнил друга Сергей.

– Буду. Здесь ловить нечего. А там карьеру можно сделать.— Филимон налил еще по одной.— Давай, Серег! Чтоб наши с тобой планы осуществились!— чокнулись, выпили. Сергей поднялся.

– Мне завтра на первом автобусе уехать надо,— сказал он.

Филимон рассмеялся:

– Сдурел? Куда тебе торопиться? Отдыхай. Воздух, природа, закуска, водочка.— Он подмигнул.— Красота, Чего тебе еще надо?

– Не, Филимон. В другой раз. Может, летом приеду. Ты ж тоже на каникулы вернешься сюда?

Филимон, хитро улыбаясь, смотрел на Сергея:

– У тебя там девчонка в Москве?! Угадал? Давай колись!

– Не знаю,— честно ответил Сергей.

Филимон развеселился:

– Ну, ты чудак человек. Не знаешь, есть девчонка или нет?

Сергею не хотелось обсуждать это сейчас. Он действительно ничего не знал.

– Филимон, давай, мы потом поговорим. Я спать пошел.

– Ладно.— Согласился Филимон.— Потом так потом.

26.09.1990г.

Вера вернулась домой в полном смятении чувств и в неприлично приподнятом настроении.

– Ты чего так поздно?– показала из кухни сестра и тут же снова скрылась, у нее там что-то шкварчало и шипело.

Вера переоделась в домашнюю одежду и тоже отправилась на кухню, на поиски еды.

– Мы в пятницу едем на дачу к друзьям.– Сказала сестра. Мы – означало она и молодой человек, с которым у них был вялотекущий роман, все никак не перетекавший в брак, что очень огорчало сестру. Ей было уже 26 лет, и она болезненно переживала, что ее избранник никак не решится на предложение руки и сердца.

– Хочешь, поехали с нами. Большая компания собирается. Будет весело.

– Охота была со старичьем сидеть.– Вера демонстративно сморщила нос, поддразнивая сестру.

– Можешь Севу с собой взять,– продолжала уговаривать та.

– Нет.– Сказала Вера.– Мне заниматься нужно.

Это было вранье, и они обе это знали.

– Какое рвение к учебе!– ехидно восхитилась сестра. Потом внимательно посмотрела на Веру и, усевшись за стол, напротив нее, спросила нормальным человеческим голосом, голосом старшей сестры, переживающей за младшую:

– Вера, что с тобой происходит?

– Я не знаю,– честно ответила Вера, а потом, улыбнувшись, добавила.– Я натура сложная, противоречивая.

– Дура ты, а не сложная натура. Вертихвостка.– Сказала сестра, но не сердито, а так как говорят о чем-то, что уже есть и ничего тут не поделаешь.

Сестры. Все детство они ссорились, орали друг на друга, обзывались и не хотели уступать ни в чем и никогда. Доходило до драк, до таскания за волосы. Обидные слова были почти единственной формой общения. Младшая ябедничала и вредничала, старшая отвешивала подзатыльники и безжалостно прогоняла ноющую, желающую во всем участвовать младшую. Редкие дни обходились без слез.

– И зачем я хотела, что бы ты родила эту дуру?– в слезах спрашивала Соня у матери, держа, очередную, изрисованную разноцветными карандашами школьную тетрадь.

– Сонька сама дура! Чего она обзывается?– вопила Вера и тут же получала очередной подзатыльник от Сони.

Эта нескончаемая война длилась до тех пор, пока Вере не исполнилось лет десять. Соня стала совсем взрослой, а у Веры появились другие увлечения, помимо приставания к старшей сестре и нескончаемого «Ах ты так! Тогда я тебе тоже так!». В доме воцарился мир и покой. Ссоры иногда вспыхивали, но теперь они не носили столь бурный и столь масштабный характер. Теперь это, скорее были короткие словесные перепалки, причем довольно редкие и довольно сдержанные. А когда Вера уже совсем подросла, они с Соней даже начали как-то понимать друг друга. Не во всем и не всегда, но отношения перешли на новый уровень умеренно-доверительно-уважительный. Были тут свои тонкости: Соня считала Веру легкомысленной вертихвосткой, а Вера Соню – занудной и слишком правильной. Но общение между ними стало наконец-то дружеским.

Родители Веры и Сони разошлись, когда Вера была еще совсем маленькой. Разошлись по обоюдному согласию, мирно, интеллигентно. Вера этот момент из семейной биографии помнила плохо, а Соня была на восемь лет старше и перенесла развод родителей болезненно. Переживала.

Отец вскоре обзавелся новой семьей, а потом и вовсе уехал работать за границу. А мама, мужественно пережив войну сестер, несколько лет назад тоже вышла замуж во второй раз, за военного и уехала с ним, по месту его службы, далеко от Москвы. Время от времени наезжая

к своим девочкам, проведать их. Конечно, это было довольно рискованным шагом оставить без присмотра двух юных особ женского пола. Но, слава богу, на панель никто не угодил и к наркотикам не пристрастился. Все как-то сложилось более-менее нормально.

Соня, наделенная от природы повышенным чувством ответственности, старалась, по возможности, приглядывать за своей бесшабашной, склонной к авантюрным приключениям, младшей сестрой. А Веру, порой, раздражали чрезмерная опека и внимание, которыми окружила ее старшая сестра. Она воспринимала это исключительно как занудное посягательство на свою свободу и всячески пыталась оградить собственную независимость от Сониного вторжения, с ее советами и нравами.

Соня надеялась, что, поступив в Архитектурный институт, Вера окунется в учебу с головой, станет серьезной, образумится. Но Вера, хоть и училась с удовольствием, продолжала скакать как стрекоза по каким-то вечеринкам, свиданиям, причем не серьезным свиданиям, а так развлечения-ради. Соня сама была другой, жила совсем другой жизнью и поэтому ей было так тяжело понять непоседливую, вечно витающую в облаках, живущую в мире грез сестру. Так же как слишком правильная, размеренная жизнь Сони казалась Вере скучной и однообразной. Ей казалось, что немного огня, немного безрассудства совсем не помешали бы старшей сестре. И она даже немного жалела «несчастную Соньку», ведущую такое тоскливое, на ее взгляд, существование.

28.09.1990г.

На первый, шестичасовой, автобус Сергей опоздал. Они с Филимоном проспали. Проснувшись в начале девятого, Сергей начал трясти друга, пытаясь узнать, во сколько будет следующий автобус.

Филимон долго не мог понять чего от него хотят. Потом так же долго пытался вспомнить расписание автобусов. И, в конце концов, зная, что Сергей не отстанет, кое-как умылся, надел телогрейку и пошел к соседке узнавать расписание. Вернувшись, он сообщил, что следующий автобус только в двенадцать и снова завалился спать. Сергей прикинул, что он как раз успеет заскочить домой, помыться и переодеться, а потом доехать до Вериного института к концу лекций. В десять часов он начал снова тормозить Филимона. Нужно было выйти почти за час, остановка была далеко, а дороги почти непроходимые. Филимон разразился потоком матерной брани, но потом все-таки встал и к одиннадцати часам был вполне готов сопровождать, друга.

Когда прошли половину дороги Филимон предложил срезать путь через небольшой лесочек, в котором они в детстве собирали орехи и ловили ежей.

– Чего тащиться по грязи? Щас мы через лесочек раз и уже почти на остановке.– Заявил он.

Свернули к лесу. Грязи там было не меньше, но путь, насколько помнил Сергей, действительно был короче. Шли друг за другом по узенькой тропинке, вдыхая сырой холодный воздух. Голова у обоих гудела, после вчерашнего, поэтому прогулка пошла на пользу.

– Я щас с тобой до соседней деревни доеду,– сказал Филимон,– там магазин большой открыли. Водки куплю, а то голова чугунная.

В это время, как из-под земли, навстречу Сергею и Филимону вышли трое молодых парней и один мужик уже в возрасте, сделавший на своем веку явно не одну ходку на зону.

– Здравсте!– широко улыбаясь и немного пришипетьвая щербатым ртом, сказал он, подходя развязной походкой и загородив дорогу.– А куда это мы идем?

– Куда надо,– сказал Сергей, который шел впереди.– Дай пройти.

– Ой, какие мы грубые, какие не разговорчивые!– плаксивым голосом сказал щербатый и заржал.

Двое молодых тоже подошли и встали вплотную к своему товарищу. Краем глаза Сергей заметил, что третий парень, сойдя с тропинки, продвигается между деревьями, обходя их с

Филимоном сзади. А еще он заметил, что у молодых, из-под курток, торчат обрезки металлических труб и понял, что добром эта встреча на лесной тропинке не кончится.

– Ну, что молодые люди, – продолжая куражиться, вновь обратился к ним щербатый. – Помогите добрым людям на пропитание. – Он протянул вперед явно не знавшую ни о воде, ни о мыле, заскорузлую ладонь.

Так как ни какой реакции не последовало, он, перестав улыбаться, сказал спокойно, но с затаенной угрозой в голосе:

– Давайте, ребятки, бабло, какое есть, и разоидемся по-хорошему, – и, обернувшись к двум своим помощникам добавил. – Ведь мы же не хотим ссориться с такими хорошими ребятами?

– Свали с дороги, тебе сказали! – сказал Филимон, вставая рядом с Сергеем. Его холодные голубые глаза, хмуро смотрели, из-под светлых бровей, на компанию уголовников.

Дальше все произошло очень быстро. Парень, обошедший их сзади, выхватил обрезок трубы и, сделав резкий замах, с силой обрушил ее вниз. В следующий миг раздался тошнотворный хруст и дикий, нечеловеческий вопль, вырвавшийся из груди Филимона. Сергей, как в плохом сне, с ощущением полной нереальности происходящего, повернулся к другу. Белый как полотно Филимон стоял, хватая воздух ртом. Правой рукой он прижимал к боку неестественно повисшую левую руку. В это время Сергей почувствовал сильный удар в спину. От боли все поплыло перед глазами и он, не удержавшись на ногах, отлетел к ближайшему дереву, и, ударившись головой, в кровь разодрал щеку об его кору. Сергей помотал головой, что бы прийти в себя и, развернувшись, наугад ударил кулаком. Удар попал в цель. Кулак врезался во что-то мягкое. Противно хрустнуло, чавкнуло, кто-то взвыл от боли. Сергей понял, что сломал одному из нападавших нос. Его снова ударили сзади, но уже не так сильно как в первый раз, удар пришелся вскользь и он устоял на ногах. Повернувшись, он очередным ударом сбил одного из молодых с ног и когда тот навзничь упал на спину, как следует, врезал по ребрам ногой. Остановившись на секунду отдышаться, Сергей увидел, что Филимон, прижав щербатого к дереву, молотит его здоровой рукой, на миг Сергей испугался, что Филимон забьет его до смерти. В драке он был страшен. Никто из деревни с ним не связывался. Худой, жилистый Филимон мог запросто проломить ударом деревянную доску, не то, что человеческий череп.

Когда все закончилось и нападавшие ретировались, понесся не меньшие, а скорее даже большие потери Сергей с Филимоном являли собой двух персонажей из какого-нибудь фильма о войне – два грязных, израненных партизана, в разодранной, окровавленной одежде, из последних сил пробираются через вражеский лес, к своим. У одного безжизненно болтается сломанная рука, и он еле переставляет ноги, поддерживаемый своим товарищем, у которого корка из запекшейся крови и грязи закрывает пол лица.

Пока добрались до шоссе. Пока поймали попутку, довезшую их до районной больницы. Пока Филимона осматривали, делали снимок, накладывали гипс. Пока добирались обратно, наступил вечер, и последний автобус на Москву уже давно уехал. Сергей клял себя, на чем свет стоит, что не взял у Веры номер телефона. Он даже упросил молоденькую смешливую медсестричку, дежурившую в больнице, разрешить ему позвонить в Москву с больничного телефона. Он набрал номер Вована, что бы тот сообщил Вере, что Сергей сегодня приехать не сможет. Но у Теляниных никого не было дома. А услужливая, правильная и разумная его часть начала нашептывать: «А может и к лучшему? Судьба». Но он тут же отогнал эту мысль и, послав судьбу подальше, решил выехать завтра первым автобусом и поехать сразу к Вере. А там будь, что будет.

Вера огляделась по сторонам. Не увидев Сергея нигде поблизости, она села на лавочку недалеко от входа, достала книжку и стала ждать. Она не могла сосредоточиться на чтении и решила просто делать вид, что читает. Что бы, Сергей не подумал, когда придет, что она так уж

его ждет. Через двадцать минут «деланья вида» Сергей так и не появился и Вера начала слегка нервничать. Через полчаса она начала злиться. После сорока минут ожидания, Вера начала чувствовать себя дурой, со злостью зашвырнув книгу в сумку, делать вид все равно было не для кого. Когда прошел час, она встала с лавочки, кипя негодованием, проклиная себя, Сергея и вообще все вокруг и, гордо вскинув голову, отправилась в сторону метро. Счастье еще, что Телянин сегодня снова не явился на занятия. А то пришлось бы в другой ВУЗ переходить от его насмешек.

Увидев в окошко вернувшихся страдальцев, мать Филимона всплеснула руками. Выбежав из дома, она кинулась им навстречу, причитая и утирая на ходу слезы.

– Сыночек! Господи! Да что ж это? Сыночек!

– Мам, да нормально все.– Попытался успокоить ее Филимон заплетающимся языком. В больнице его накачали обезболивающими, и он говорил и двигался все равно как пьяный.– Мам, ну мам, ну не плачь, – повторял он, нежно обнимая мать здоровой рукой и глядя на ее заплаканное лицо осоловелыми глазами.

Выслушав, рассказанную, естественно, без подробностей и с минимумом драматизма, историю их злоключений, она снова заохала и запричитала, и несколько раз украдкой утерла слезы. Филимона уложили спать. Он сразу уснул, но спал очень беспокойно. А когда действие лекарств закончилось, начал стонать и ворочаться, а потом вообще встал и ходил по комнате, из угла в угол, почти до самого утра, баюкая больную руку и пытаясь найти для нее удобное положение, что бы боль была не такой изматывающей.

Мать Филимона, как могла, почистила и зашила одежду Сергея, приготовила ему завтрак, так как он сказал, что рано утром уедет. Перекрестила его, и тихонько причитая: «Вот горе-то, горе!» ушла к себе спать. Сергей долго не мог уснуть. Потом начал стонать и ворочаться Филимон. Несколько раз Сергей вставал, выходил на улицу покурить. Потом вновь ложился, но сон все не шел. В пять утра, не выспавшийся, разбитый, он вышел на морозный октябрьский воздух и отправился на автобусную остановку. К счастью на этот раз все обошлось без приключений.

29.09.1990г.

Суббота. В институт идти не нужно. Можно спать хоть целый день. Но по закону подлости Вера проснулась в девять. Открыла глаза и почувствовала себя несчастной и злой. Она полежала глядя в потолок, жалея себя и думая о том, что жизнь не имеет никакого смысла. Жалеть себя надоело. Вера встала и отправилась в ванную умываться.

Как только она закончила чистить зубы, в течение почти десяти минут машинально водила щеткой туда-сюда, рассматривая при этом отсутствующим взглядом сердитое отражение, и продолжая думать о несправедливости и бессмысленности существования, противно задребезжал дверной звонок.

«Кого там еще принесло? Может не открывать?» Может, у звонившего проснется совесть, и он или она просто уйдет. Ей никого не хотелось видеть. После вчерашнего ожидания на лавочке она чувствовала себя униженной и опозоренной. Причем, униженной и опозоренной на веки вечные. Наверное, примерно так, чувствуют себя невесты, брошенные у алтаря. В жизни еще ее так не унижали, что бы назначить свидание и просто не прийти. Звонок снова истерически задребезжал.

«Господи, какой противный звук!» – поморщилась Вера и пошла открывать настырному посетителю. За мутным стеклом двери «общего» коридора маячил большой, темный силуэт.

– Привет.– Сказал с виноватой и в то же время довольной улыбкой Сергей распахнувшей перед ним дверь Вере. Извлек из-за спины небольшой букет и протянул ей.– Извини, вчера не получилось прийти.

Причина неявки была точно уважительная, и на лицо, и на лице. Вид у него был такой, что предъявлять претензии было совершенно глупо. В потрепанной одежде, заляпанной засохшей глиной, с разодранной щекой и воспаленными после бессонной ночи глазами выглядел он просто ужасно. Но Вера была так рада его видеть, что он показался ей прекраснейшим из прекрасных.

– Что случилось?– спросила она, указывая на разбитую щеку.

Он так боялся, что не застанет ее дома, что даже не стал заезжать домой, что бы переодеться и привести себя в порядок. Хотя и понимал, что выглядит не совсем подобающе для встречи. Он бежал всю дорогу, где только можно было бежать. От автобуса до метро. В метро бежал по эскалаторам, перескакивая через несколько ступеней, наверное, до смерти пугая при этом других пассажиров, своим странным видом. На вокзале бежал до электрички, а потом от электрички до ее дома. Он боялся, что ее нет, что она куда-нибудь ушла, уехала, пропала из его жизни, и он больше не увидит ее. Что она со своим приземленным орангутангом обсуждает предстоящую свадьбу, и он держит ее за руку, и они радостно смеются и говорят друг другу всякие глупости, которые всегда говорят друг другу влюбленные. В общем, он был ужасно рад, что она здесь, что они все-таки встретились, и она улыбается ему своей милой улыбкой.

– Ну так , что случилось?– повторила свой вопрос Вера.

– Да так, потом расскажу,– отмахнулся он, продолжая неподвижно стоять и, улыбаясь, смотреть на нее.

– Ну, ты зайдешь или как?– поинтересовалась она, видя, что он прирос к косяку.

Первым делом Вера отправила гостя в ванную, чему он очень обрадовался.

– Ты есть будешь?– спросила Вера, протягивая ему большое чистое полотенце.

– Буду.– Не в силах перестать улыбаться и, чувствуя себя из-за этого полным дураком, сказал Сергей.

– Сейчас, что-нибудь сделаю, пока ты моешься. Только должна тебя предупредить,– почти торжественно сказала Вера,– я не умею готовить.

– Ты полна достоинств.– Рассмеялся Сергей.– Пьющая, не умеющая готовить...– он начал загибать пальцы.

Вера засмеялась и, хлопнув его полотенцем, ушла на кухню.

Чистый, свежeweымытый, Сергей вошел на кухню, наполненную аппетитными запахами. На столе стояли гренки, яичница с ветчиной и свежесваренный кофе. Только сейчас Сергей почувствовал, как сильно он хочет есть.

– А говорила, что готовить не умеешь.

– Ну, я имела ввиду, что-то более серьезное,– улыбнулась она.– Ну, и, что же с тобой случилось?– Подойдя к нему совсем близко, чтобы он не отвертелся от ответа, снова спросила Вера.– Ты оказывается драчун?

– Ну, я тоже полон достоинств,– рассмеялся Сергей.

Он почти болезненно ощутил ее близость, он чувствовал тепло исходившее от ее тела, легкий запах шампуня от волос. Они были одни, и он не знал, как найти в себе силы, что бы удержаться и не обнять, не дотронуться до нее, не поцеловать.

– Вера!

– Что?– она смотрела на него снизу вверх, потому что она была совсем маленькая, а он высокий и здоровенный как шкаф. И ему стало немного неловко, что он такой большой и ведет себя как самый настоящий приземленный орангутанг.

– Можно я тебя поцелую?

Это было так трогательно и мило, и даже по-детски, что она не выдержала и рассмеялась. А потом подошла еще ближе и сама его поцеловала. И это был очень долгий и очень приятный поцелуй, такой после которого хочется повторить еще раз и еще.

В какой-то момент, где-то очень глубоко, в затуманенном этим волшебным поцелуем сознании, всплыл бледный и какой-то размытый образ Севы, и чувство вины зашевелилось в ней, пытаясь образумить, вернуть ее на землю. Но Вера безжалостно пресекла эти слабые и бесполезные попытки и отдалась вся и полностью захлестнувшему ее, неведомому до этого момента чувству абсолютной принадлежности другому человеку. И это было так прекрасно, так непередаваемо, так ни на, что не похоже, что она вообще не могла понять, как она жила до этого дня. Ее жизнь была пуста и бессмысленна. И только сегодня, сейчас, ее жизнь началась по настоящему, в полную силу, обрела смысл и значение.

Наконец, с огромным трудом они нашли в себе силы оторваться друг от друга. И какое-то время просто стояли, улыбаясь, всматриваясь друг в друга. Они ничего не знали друг о друге, и у них было очень мало времени на то, что бы хоть что то узнать. Сейчас, совершенно неважно было, что случится дальше. Не было ни прошлого, ни будущего, было только сейчас. Были они. Их поцелуй. Эта кухня. Сейчас это был весь их мир. Все остальное существовало в совершенно другом измерении и не имело к ним совершенно никакого отношения.

Они поели, как давным-давно живущая вместе семейная пара. Вера убрала со стола, помыла посуду. А Сергей сидел и просто смотрел на нее, стараясь насмотреться на время предстоящей разлуки, «про запас». А потом он взял ее на руки и отнес в комнату. И весь мир опять исчез, снова перейдя в другое измерение, никак и ничем не связанное с ними. И все было именно так, как они оба себе и представляли. Потому, что на свете у каждого есть своя половинка. И эти две половинки встретились. И из двух половинок получилось одно целое.

А потом они просто лежали рядом. Очень долго. Радуясь и наслаждаясь, близостью друг друга. Они блаженно улыбались и чувствовали себя очень счастливыми, категорически запрещающая себе думать о будущем, о предстоящей разлуке. Только не сейчас. Не в этот сказочный, неповторимый момент. Это все будет. Будет, но потом.

Когда сумерки за окном сменились непроглядной ночной чернотой, Сергей опомнился, что Вера, все-таки, живет не одна и, что ему, наверное, уже пора.

Она обняла его и нежно поцеловала.

– Ты можешь остаться?– спросила она. Ему хотелось закричать во весь голос: «Да! Да! Конечно, могу!», но он просто поцеловал ее в ответ, и они продолжали лежать в темноте, улыбаясь своим мыслям, переговариваясь друг с другом и впитывая в себя эти счастливые беззаботные и безмятежные минуты.

30.09.1990г.

Было очень здорово проснуться рядом. Увидеть глаза, губы, улыбку друг друга. Обрадоваться тому, что они вместе. Прикоснуться, ощутить тепло. Это было совершенно новое переживание для них обоих, прекрасное, волнующее.

Они провели замечательный, совершенно бессмысленный и очень счастливый день. Передавая любовь, рассказывая друг другу о себе и, так же как и накануне, наслаждаясь этим коротеньким отрезком времени, когда они могут быть только вдвоем. Они не боялись пресытиться друг другом. У них, не было на это времени. Они боялись не успеть получить друг от друга все, что только можно за этот короткий срок, что у них еще оставался.

Время неумолимо шло, оно просто летело, и стрелки часов безжалостно и незаметно приблизились к четырем, а потом снова стремительно полетели вперед, и вот прошла одна коротенькая минутка, а на часах уже половина пятого. Скоро должна вернуться Соня. Пора было расставаться. Они, по-прежнему, не говорили о том, что будет дальше.

Вера проводила Сергея до лифта. Последний поцелуй. Нежный, долгий, отдающий горечью предстоящей разлуки.

– Завтра последний день. Встретимся после занятий?– взгляд, обращенный на нее полон нежности и грусти.

– Я не пойду завтра на занятия. Сестра уходит в восемь,– решительно сказала Вера. К черту институт, к черту все. Завтра последний день.

– Я приеду в половине девятого.– Быстро пообещал он.

Двери закрылись. Было слышно, как лифт спускается вниз. Вера стояла глядя перед собой, не в силах сдвинуться с места. Еще один день. Как отсрочка перед казнью. На глаза навернулись слезы. Почему всегда все не вовремя и все не так?

«Какая же я дура! Что же я делаю?– думала она, возвращаясь в квартиру,– Как я буду жить без него?». Она закрыла дверь и расплакалась.

Зазвонил телефон. Вера взяла трубку.

– Привет, малыш!– радостно поприветствовал ее из трубки Сева. Вера чуть не взвизгнула от этого «малыша». Почему, почему он все время называет ее этим идиотским словом?– Извини, что не смог тогда приехать. Тебе Соня передавала, что я звонил?

– Да, передала,– подтвердила Вера обязательность и ответственность сестры.

– Ты чего сама не звонишь. Я как не позвоню, тебя нет. Где ты пропадаешь?– немного обиженным голосом безостановочно тараторил Сева.

– Сева, нам нужно поговорить.– Твердо сказала Вера.– Не по телефону. Нужно встретиться.

– Давай я приеду.– Обрадовался Сева. Видимо на сегодня не было никаких других планов, он был свободен.

Но Вере нужна была нейтральная территория.

– Нет. Давай встретимся где-нибудь в центре,– сказала она.

Сева был несколько разочарован. Ехать в центр, а потом еще тащиться куда-нибудь, ему не очень хотелось. Но, что поделаешь. У Веры бывали свои заскоки. Приходилось идти на жертвы.

Договорились встретиться в скверике, напротив «Пушкинского» кинотеатра. Это место Сева, далеко не ярый поклонник прогулок по Москве, хотя бы знал.

Оставив бдительной и вечно волнующейся сестре записку, Вера поехала на встречу на нейтральной территории.

Они встретились на дне рождения одного общего приятеля, с которым Вера подружилась во время вступительных экзаменов, а Сева жил в одном подъезде.

Празднование шло уже во всю, когда Сева заметил, как именинник появился в дверях комнаты, в которой веселились гости, с девушкой, которая, по всей видимости, только, что пришла. Маленькая, стройная и очень хорошенькая, новая гостья прошла к столу. Хозяин вечера, Генка, вился возле нее винтом, накладывая закуски и предлагая выпивку. Запоздавшая гостья поблагодарила хозяина и отправила его к другим гостям. Генка, что-то сказал ей, они оба посмеялись, после чего он, наконец, удалился. Сева с интересом рассматривал девушку. Больше всего его поразило насколько юной и невинной она выглядела. Не красавица, но очень даже. И еще была в ней какая то загадочность, что то чего Сева не мог объяснить, но как большой знаток и любитель женщин почувствовал безошибочно. Как охотник, выследивший дичь, начинает ее преследовать, так и Сева решил, что вот объект достойный его внимания на сегодняшнем вечере.

Перед приходом прелестной незнакомки Сева некоторое время присматривался к рыженькой девушке с милой мордашкой и соблазнительными формами, которая то и дело одаривала его весьма недвусмысленными взглядами. Он уже совсем было собрался подсесть к ней, но тут появилась загадочная юная чаровница и Сева напрочь забыл о рыженькой, которая была простовата и привлекала только своими объемными формами.

Сева уже оторвался от стены, у которой он стоял, прислонив свое великолепное мускулистое тело, как вдруг к юной особе подсел маленький невзрачный очкарик. Радостно поприветствовав друг друга, они начали, что-то оживленно обсуждать, девушка звонко смеялась, а очкарик, естественно, старался во всю и болтал, не закрывая рта. Сева вернувшись на свой наблюдательный пост, с некоторым раздражением следил за веселящейся парочкой, ожидая, когда же этот словоохотливый кавалер, наконец, отвалит. Ожидание было вознаграждено. Очкарик покинул свою собеседницу, и Сева решительно протиснулся между гостями, пока еще какой-нибудь уродец не спутал ему карты.

– Привет! Сева!– представился он, протягивая руку и улыбаясь самой обворожительной улыбкой. Ее маленькая ладошка, буквально, утонула в его руке.

– Вера.– Сказала девушка, рассеянно скользнув взглядом по почти двухметровому красавцу с фигурой древнегреческого бога.

– Я видел, ты опоздала.– Сказал Сева, что бы как то начать разговор. Ничего остроумного или интересного на ум, как назло, не приходило. Честно говоря, обычно этого и не требовалось. Девушки начинали таять сразу же при виде одной только ослепительной улыбки.

– Я заблудилась. Тут все улицы похожи как близнецы.– Объяснила она, по-прежнему, совершенно не собираясь сойти с ума от восторга, что рядом с ней такой мачо. Она вообще на него не смотрела, а выискивала кого-то среди гостей.

Сева мучительно решал, как действовать дальше? Сделать ей комплимент, предложить выпить, пригласить потанцевать, позвать в кино?

– Смотрела ...– Черт! Он забыл название нового фильма, который сейчас крутили во всех кинотеатрах.

– Извини,– сказала Вера и, выпорхнув из-за стола, направилась к одной из «никаких» девушек, которых Сева отбраковал еще в самом начале вечера.

– Черт!– выругался Сева. Все шло не по плану. Не правильно.

После «Никакой» девушки к Вере опять подошел именинник, пообщавшись с ней, минут пять, повел ее танцевать. Когда натанцевавшись, они отошли в сторону, к ним снова присоединилась «никакая» с еще двумя, незнакомыми Севе парнями, и они долго смеялись и о чем-то разговаривали. Видимо они все учатся в одном институте, решил Сева. Он с каким-то непонятным для себя самого упорством наблюдал за девушкой, в ожидании момента, когда же, наконец, она останется одна и можно будет продолжить знакомство. Вот, наконец, настал долгожданный момент, компания разошлась.

– Привет! Куда ты все время смотришь?– перед Севой возникла рыженькая, загородив ему нужный сектор обзора.– Вика. Я тебя давно заметила.

Рыженькая протянула наманикюренную ручку и кокетливо улыбнулась.

«Черт бы тебя побрал! Выбрала самый подходящий момент!»– мысленно проклинал Сева рыженькую Вику, пожимая мягкую теплую ладошку. В этот момент он увидел, что Вера уже снова общается с давешним очкариком. Он был готов придушить и Вику, и очкарика, и Веру. Да, что ж это такое, в конце концов?

– Потанцуем?– потянула его за рукав новая знакомая, Вика.

– Почему нет, конечно, потанцуем,– обреченно сказал он, следуя за рыженькой к остальным танцующим гостям.

Он почти не слушал, что там ворковала Вика, практически прижимаясь губами к его уху. Еще не смолкли последние звуки музыки, когда Сева поблагодарил свою партнершу за танец и, высвободившись из ее объятий, начал искать взглядом Веру. Заиграла новая мелодия и к своему неудовольствию, он увидел ее, в обнимку с очкастым хмыренком. «Может плюнуть?»– подумал Сева, которому начинало надоедать это идиотское «выслеживание с преследованием». Но плюнуть, означало поступиться своей мужской гордостью. Он решительно вошел в круг танцующих гостей.

– Разрешите.– Сказал он, перехватывая у хмыренка Веру. Она не сопротивлялась, но посмотрела на него с некоторым удивлением.

– Ты здесь сегодня самая красивая девушка.– Сказал Сева.

– Всем когда-нибудь везет,– совершенно спокойно с легкой иронией сказала Вера.

Он совершенно не знал как с ней себя вести. Почему она даже на комплимент не могла ответить как все нормальные девушки? Засмеяться радостно, засмушаться, запротестовать, напрашиваясь на еще один комплимент. Почему у нее все не так? Почему она так странно себя ведет с ним? Это раздражало его, даже злило, но именно это притягивало его к ней.

– Вера, может, встретимся на следующей неделе?– хватит ходить вокруг да около, надо брать быка за рога и переходить к решительным действиям, а то он так весь вечер будет, как дурак следить за ней и бегать, что бы успеть перехватить.

Она как-то непонятно посмотрела на него.

– Вряд ли у меня получится,– сказала она, слегка пожав плечами.

Сева тупо уставился на нее. Она его достала. Пока он обдумывал, что предпринять дальше Вера снова сказала:

– Извини,– и, помахав кому-то рукой, упорхнула из его объятий.

Пробираясь между танцующими, с каменным лицом Сева очень быстро проговаривал про себя все матерные слова которые знал. Больше он и не взглянет в ее сторону!

В оставшуюся часть вечера он предлагал ей выпить, подносил зажигалку к ее сигарете, расспрашивал о ее учебе. Она принимала знаки внимания, отвечала на вопросы с совершенно спокойным равнодушным видом, как и раньше и, конечно же, как и раньше постоянно исчезала куда-то, быстро бросив ему «Извини». Это был самый странный и самый унижительный вечер в его жизни. Увидев, что Вера собирается уходить, Сева подошел к ней и, галантно подержав ее пальтишко, пока она его одевала, так же галантно сказал:

– Я тебя провожу.

– Спасибо. Меня уже провожают,– как всегда, вежливо-нейтральным тоном, сообщила она.

В коридоре возник ее очкастый приятель и, быстренько напялив короткую куртешку и поношенные ботинки, нахально подхватил Веру под руку.

– Пока,– бросила она Севе уже на ходу.

На лестничной клетке раздался ее звонкий смех. Видимо очкастый квазимодо сказал что-то очень-очень смешное. Вон как она заливается.

– Да пошла ты ...– со злостью сказал Сева в сторону входной двери и с силой пнул ее ногой.

Вернувшись к столу, он схватил первый попавшийся бокал для вина и налив в него водки до краев выпил залпом. К концу вечера он так набрался, что имениннику пришлось тащить его до квартиры на себе.

Вера очень удивилась, увидев стоявшего напротив входа в институт самовлюбленного красавчика со дня рождения. Как его зацепило! Аж из ближайшего Подмосковья не поленился притащиться.

Вера, конечно, заметила проявленный им интерес во время праздника, но его танцы перевозбужденного павиана вокруг нее, не произвели на нее совершенно никакого впечатления. Может чуть-чуть позабавили. Но к моменту его появления в институтском дворе она про него и думать забыла. Помахав одноклассникам она, без особого энтузиазма, направилась к своему поклоннику.

– Привет.– Сказал Сева, одаривая ее очередной ослепительной улыбкой.

– Привет.– Равнодушно и даже с тенью недовольства ответила Вера.

Эти два дня, прошедшие после дня рождения, он не мог думать ни о чем кроме странной девчонки. Он думал выбросить ее из головы, забыть. Но мысли его вновь и вновь возвращались к ней. Промаявшись первый день похмельем, на второй день он решил, увидеть ее во что бы то ни стало. И, узнав у соседа адрес института, отправился навстречу своей судьбе.

Он видел, что она не в восторге, но это только еще сильнее раззадорило его.

Они зашли в кафе и съели по мороженому, потом немного прогулялись по старым московским улочкам. Сева проводил свою спутницу до электрички. От провожания до дома она наотрез отказалась, решив, что нечего такому настырному поклоннику знать, где она живет. Сева не стал настаивать, решив, что только отпугнет ее.

На следующий день он был тут как тут. Стоял на прежнем месте, ждал ее после занятий.

– Экого орангутанга ты себе завела, Ковальская!– прокомментировал второе появление Севы, как всегда, ухмыляющийся Телянин.– Смотри, птичка моя, уволочет он тебя в свою орангутанью стаю и будет там с тобой вытворять всякие ужасы.

Вера, сердито посмотрела на ржущего Вована. И не менее сердито на «орангутанга», готовящегося уволочь ее в свою стаю. Честно говоря, она надеялась, что он отстанет. Продолжать знакомство желания у нее не было.

На этот раз она решила не церемониться и сразу расставить все точки над «и».

– Сева. Я не знаю, чего ты добиваешься,– начала она, но решила, что нечего тут рассоливать и надо просто честно сказать все как есть.– Я так понимаю, что, ты, таким образом, за мной ухаживаешь. Но, честно говоря, не думаю, что у нас что-нибудь получится.

Сева мужественно принял удар, хотя больше всего ему хотелось взять ее за шкирку и как следует тряхнуть. Что она о себе возомнила эта пигалица? Сосчитав мысленно до десяти, он совершенно спокойно сказал:

– Ты мне очень нравишься, но я все понимаю. Но мы же можем быть просто друзьями?

На это Вере возразить было нечего. В конце концов, он же не волочет ее в свою стаю. Они же не в детском саду, чтобы говорить не хочу с тобой дружить, иди отсюда.

Еще одна прогулка по Москве. Еще одно провожание до электрички.

Сева надеялся, что его неотразимость, безотказно действовавшая на других женщин, быстро растопит лед в сердце юной упрямыцы. Он, жестоко ошибался. Шесть месяцев он таскался за ней как дрессированный медведь за цыганским табором. Гулял с ней по Москве, ходил в кино, на какие-то выставки, ездил с ней по полуразрушенным монастырям, по архитектурным стилям которых она писала курсовую. Забирался с ней по осыпающимся стенам и лестницам, рискуя сломать себе шею. Даже пару раз ходил на нуднейшие лекции какого-то известного архитектора. И ведь она сама его никуда не приглашала, он сам напрашивался с ней, куда только мог, уверяя, что все это ему страсть как интересно.

Постепенно Вера начала привыкать к его присутствию в ее жизни. Ей даже стало иногда не хватать его. Она сама не могла понять, что чувствует по отношению к Севе. То он ей даже нравился, то надоедал своим повышенным вниманием.

– Прямо твой гигантский сиамский близнец.– Как всегда блистал юмором Вован.

Иногда, неожиданно для самой себя, Вера начинала думать о нем как о мужчине. И эти мысли носили далеко не невинный характер. Мужественная внешность и атлетическая фигура ее поклонника пробуждали в ее невинном неопытном еще сознании очень откровенные фантазии, которые, впрочем, она не решалась пока воплотить в реальность.

За полгода этого марафона в погоне за сердцем прекрасной, но капризной и своенравной Веры Сева совсем вымотался. Она измучила его, он чувствовал, что стал просто одержим одной целью. Вера должна его полюбить. Он должен обладать ею целиком и полностью. Она должна принадлежать ему и душой и телом.

Несколько раз он готов был плюнуть на все. Прекратить эту дурацкую погоню за призрачной мечтой. Он принимал твердое решение больше не приезжать, не встречаться с ней. Давал себе слово и на следующий день снова летел к ней.

Через полгода, Вера, наконец, сдалась. Она почувствовала, что влюбилась. Она была очень молода и неопытна. Даже целовалась до этого она только с одним мальчиком, своим ровесником. Конечно, она влюблялась, она вообще была натурой романтической, склонной к переживаниям, приключениям. Но это все было так, не серьезно. Детские влюбленности, с держанием за ручку и нежными взглядами, робкими признаниями и вырезанием на коре сердечка с двумя именами и плюстиком посерединке. То, что она начинала испытывать сейчас, было совсем другим. Это была влюбленность юной, но уже девушки, а не девочки, в практически взрослого, двадцатичетырехлетнего мужчину, который умело и настойчиво ухаживал за ней. Его преданность и терпение, его привлекательность и исходившая от него мужская сила сделали свое дело. Чувство накрыло Веру внезапно и с головой. Она даже удивлялась теперь, как она могла так равнодушно относиться к нему до этого. Как не замечала, какой он необыкновенный и прекрасный.

Сева, имевший за плечами большой опыт общения с женщинами, сразу почувствовал перемену. Он ощущал ее с каждым днем все сильнее, но боясь спугнуть свое счастье, не торопил события, терпеливо дожидаясь подходящего момента. И вот в один прекрасный день, спустя семь с лишним месяцев после знакомства с Верой он, все еще немного побаиваясь все испортить, предпринял робкую попытку поцеловать Веру. И какое же облегчение он испытал, встретив с ее стороны весьма чувственный отклик. Так, они целовались и обнимались еще месяц, и Сева решил, что, все, хватит, пора переходить к решительным действиям, пока Вера не передумала и снова не изменила свое отношение к нему. Он сделал предложение, на которое Вера ответила согласием.

Узнав о том, что сын собирается жениться, его мать сказала: «Я категорически против! Эта девушка тебе совсем не подходит. Сева ей всего 18! У нее еще ветер в голове. И дело не в возрасте. У нее всегда ветер будет в голове. Она по натуре вертихвостка. Испортит тебе жизнь. Не совершай глупость. Скажи ей, что свадьба отменяется. Хочешь встречаться встречайся. Вот увидишь – скоро сам наиграешься, и она тебе надоест. Такие пустышки как она всегда быстро надоедают».

Почти двухметровый красавец Сева в свои неполные двадцать пять лет, даже сам не подозревая об этом, находился под очень сильным влиянием матери. Она умело и незаметно для него самого руководила им, направляя его жизнь в нужное русло, подталкивала к правильным, с ее точки зрения, решениям. Сева обычно соглашался, прислушивался к ней и почти всегда поступал так, как она советовала. Но на этот раз он принял решение и не собирался его менять. Сердито взглянув на мать, он, почти грубо, с нескрываемой злостью, сказал:

– Я люблю ее, и я женюсь! И не смей так говорить о моей будущей жене.

За то Соня, которой нравился Сева, так преданно ухаживавший, за ее легкомысленной, взбалмошной сестрой, узнав о предстоящей свадьбе, вздохнула с облегчением. Наконец-то ее младшая сестра остепенится и повзрослеет, перестанет совершать всякие глупости. Выйти замуж это не хухры-мухры, там уже не поскачешь как стрекоза, не будешь делать, что левая нога захочет.

Двадцати пятилетие Севы отмечали у него. В небольшой двухкомнатной квартире, расположенной в хрущевке, собралось человек двадцать молодежи. Гости были веселые, много пили и много ели. Мать Севы, еще вначале вечера категорически отказавшись от предложенной Верой помощи, то и дело сновала туда сюда подавая, убирая, заменяя опустевшие бутылки на новые. Весь вечер она варила, жарила, пекла, и результаты ее трудов моментально исчезали

в бездонных молодых глотках. Слыша громкую музыку, то и дело перекрываемую взрывами хохота, хозяйка дома с нетерпением поглядывала на часы, в ожидании, когда же расходившаяся молодежь, наконец, нагуляется, и в ее квартире снова воцарятся покой и тишина. Войдя с очередным блюдом, до краев наполненным горячим, Севина мать увидела, как ее будущая невестка лихо отплясывает на пару с одним из ребят посреди круга, образованного другими гостями. Гости восторженно аплодировали танцующим, подбадривая их радостными криками. Сильно подвыпивший именинник, слегка покачиваясь, хлопал в ладоши и наравне со всеми кричал: «Давай, Верка! Давай!». Раскрасневшаяся и радостно улыбающаяся, Вера ходила по кругу, все быстрее и быстрее перебирая красивыми стройными ногами, а ее партнер то догонял ее, прижимаясь почти вплотную, то немного отставал, одаривая откровенно-восхищенными взглядами темных смеющихся глаз.

– Вера! Ты не устала?– не выдержала будущая свекровь.

Немного задохнувшись от быстрого танца, Вера, не останавливаясь весело крикнула:

– Да, что Вы! Я так всю ночь могу!»– и понеслась по кругу еще быстрее. Гости неистовствовали, крики молодых людей перешли в рев. Поджав тонкие бесцветные губы, Севина мать с каменным лицом вышла из комнаты. Увиденное лишней раз убеждало, какую ошибку совершает ее неожиданно лишившийся рассудка сын. Кто бы сомневался, что эта подзаборная девка еще, наверное, и не так может всю ночь!

В конце вечера, когда гости начали расходиться, Сева был не в состоянии не то, чтобы проводить Веру до дома, а и вообще лыка не вязал. Под неодобрительным взглядом будущей свекрови Вера жизнерадостно выпорхнула из их квартиры в сопровождении двух молодых людей, которым тоже нужно было ехать в Москву.

На следующий день мать завела с более-менее пришедшим в себя сыном еще один разговор по поводу его решения о женитьбе. На этот раз она решила действовать осмотрительнее и по аккуратнее выбирать выражения.

– Я смотрю, Верочка вчера хорошо повеселилась,– с нескрываемой ноткой злобного сарказма сказала она.

– Да, вчера все хорошо повеселились.– Легкомысленно ответил Сева, не искушенный в ведении бесед с саркастичными намеками.

– Сева! Я понимаю, ты вчера выпил и может не совсем понимал и не мог, извини за каламбур, трезво оценить происходящее. Но этот танец!– мать закатила глаза.

– А, да! – Сева расплылся в радостной улыбке,– Ты видела, как Верка жгла?! А Гарик?! Настоящий джигит!

Мать изумленно посмотрела на него. Господи, то ли ее сын слабоумный, то ли сейчас молодежь вообще на все смотрит как на совершенно нормальные вещи. Его будущая жена потаскуха, чуть ли не легла под этого джигита Гарика на глазах у всех, а он сидит и еще восхищается.

– Да конечно,– холодно сказала она,– а потом еще два джигита поехали среди ночи провожать ее в Москву.

– Да, блин,– массируя пальцами, ноющие виски сказал Сева погрузнев.– Получилось некрасиво. Мне самому неудобно. Я вчера чего-то не рассчитал. Хорошо хоть ребята Веру проводили.

Ее сын идиот! Теперь это окончательно ясно. Мать преувеличенно осторожно поставила на плиту только, что вымытую сковородку, из опасения не совладать с собой и запустить ею в голову сына.

– Сева! Мне кажется, ты не совсем понимаешь. Этот танец, эти отношения с посторонними молодыми людьми. Это неприлично! Господи, Гарик только, что не набросился на нее на глазах у всех. Взглядом ее раздевал, а она только рада была, смеялась, ногами дрыгала.

– Мам, ну ты чего? Да всем весело было. Они просто танцевали, развлекались. А Гарик он на всех девушек так смотрит, у него такой взгляд он же человек восточный. Я же говорю – джигит.– Сева смотрел на мать, совершенно искренне улыбаясь, посмеиваясь про себя над ее устаревшими взглядами на жизнь.

– Извини, но так себя ведут только уличные девки.– Забыв о своем решении выбрать выражения, почти выкрикнула она.

– Мам! Да просто Вера еще очень молодая. Ей повеселиться хочется, подурачиться. Да все нормально,– добродушно убеждал мать Сева.

Поняв, что и на этот раз образумить сына не удастся, она, холодно взглянув на него сказала:

– Ну, если тебя все устраивает, прекрасно! Пусть хоть голая танцует. Она же молодая, ей повеселиться хочется. Только потом не удивляйся, если твой ребенок будет похож на Гарика, на Толика, а может и вообще ни на кого из тех, кого ты знаешь.

– Мам! Ну, прекрати! Чего ты из мухи слона делаешь?– начал раздражаться Сева.

– Лучше из мухи слона, чем из слона муху.– Ответила мать и с гордым видом удалилась.

Как бы Севина мать не была против предстоящей свадьбы, но раз свадьба все же состоится все должно быть, как положено. Солидно и с размахом. Ненавидеть невестку это одно, а любовь к сыну это совсем другое. Свадьба ее единственного сына должна пройти на высшем уровне. Взяв себя в руки, она начала бурную деятельность по подготовке предстоящего мероприятия.

Мать Севы была наделена примерно теми же качествами характера, что и Алина Николаевна Телянина, которая при необходимости вполне могла бы командовать армией. Но, если Алина Николаевна, при всей своей властности и деловитости, была человеком необыкновенно отзывчивым и, иногда, даже излишне чувствительным. И ее сердце полководца было переполнено душевной теплотой и любовью, которые она щедро изливала на окружающих ее людей. То Севина мать отличалась чопорной холодностью и каким-то безразличием и даже равнодушием к чувствам и переживаниям других людей, за исключением только собственного сына.

Заказав ресторан, фотографа и машины, она составила подробный список всех остальных вещей, о которых нужно позаботиться, «чтобы не ударить в грязь лицом» и составила программу знаменательного события. Покончив с этим, она созвала молодых, что бы огласить им результаты своих трудов и дать необходимые инструкции. Зачитав список всего необходимого, пусть знают, сколько трудов она вложила, она перешла к программе проведения свадьбы:

– После ЗАГСа едем на Красную площадь. Фотографируемся...

– Зачем на Красную площадь?– перебила будущую свекровь Вера.– Холодно же будет. Конец ноября.

Севина мать смерила ее ледяным взглядом.

– Это свадьба моего единственного сына, и она должна пройти по-человечески, как у нормальных людей. А не как какая-то очередная попойка в придорожном кабаке, с пьяными песнями и плясками.

Когда вся намеченная программа свадьбы единственного сына была озвучена, его мать обратилась к своей незадачливой невестке:

– Вера, нужно съездить посмотреть тебе платье. Ты такая худая, что его, наверняка придется подгонять. Сева, а кольца возьмете наши с отцом, нечего деньги тратить.

– Может, что бы сэкономить я и платье ваше возьму? Хотя нет. Так как это свадьба не только единственного сына, но и меня единственной, то своим платьем я все-таки сама займусь. Что-нибудь тепленькое посмотрю, что бы к Царь-колоколу не примерзнуть.– Улыбаясь, и одновременно с вызовом сказала Вера, которой надоело, что Сева пляшет под дудку своей матери. Сева, как всегда, приняв все за чистую монету, радостно засмеялся, находя шутку Верочки

очень смешной, а любящая мать с жалостью смотрела на него и еле сдерживалась, чтобы не заорать во все горло: «Убей ее! Убей прямо сейчас! Не дай ей испортить свою жизнь!». Господи! Ну что, нашло на ее сына? Откуда вообще взялась эта маленькая наглая дрянь?

– Никакой благодарности!– возмущенно говорила мать, после того как Вера уехала.– Мало того, что добилась того, что на ней женятся лишь благодаря смазливой мордашке. Так еще идет на все готовенькое, и то не соизволит хотя бы попытаться вести себя прилично и проявить хоть чуть-чуть уважения! Ее родственники-то хоть на свадьбу пожалуют? Или она у тебя так сиротинкой замуж и выйдет?

– Мам!– Сева с упреком взглянул на ни как не желавшую успокоиться мать. Ссориться ему не хотелось и, улыбнувшись, он примирительно сказал.– Вера не сиротинка, ты же знаешь. Просто у нее отчим военный и служит где-то далеко от Москвы. Поэтому мама редко приезжает. Но на свадьбу они, конечно, приедут. И сестра будет. И бабушка.

Вначале знакомства Вера честно пыталась быть с Севиной матерью приветливой и дружелюбной. Но, встречая каждый раз, ледяной взгляд, недовольно поджатые губы и обращение к себе исключительно через Севу, например: «Сева, твоей девушке сахар в чай класть?», или «Сева, а девушка к нам надолго, а то к нам сегодня дядя Леня приехать должен». Она очень скоро перешла на официально-вежливый тон. И пока не встал вопрос о свадьбе их общение при редких встречах свелось к «Здравствуйте, до свидания».

Вере было неприятно такое отношение. Ее обижала и удивляла такая неприкрытая враждебность, и непонятно откуда возникшая явная нелюбовь. Ее стали тяготить даже редкие встречи, и она старалась избегать их всеми возможными способами.

Как то, обсуждая свои планы на будущее, Вера с Севой сильно поссорились.

Они лежали в его кровати. У Веры в этот день была всего одна лекция и они, решив воспользоваться моментом, поехали к нему домой.

– А где мы будем жить после свадьбы?– легонько вода пальцем по его груди, спросила Вера. Сева удивленно посмотрел на нее.

– Здесь, где же еще?

– Я не буду здесь жить,– твердо сказала Вера.

– Почему?– ничего не понимая спросил он. Может это ее очередной заскок?

– Потому, что твоя мать меня терпеть не может. Я с ней жить не буду.

Сева засмеялся:

– Вер, да брось! Ну, что за глупости? Просто вы не привыкли друг к другу. Все будет хорошо. Еще подругами станете. Вы друг друга полюбите, вот увидишь. Вы ведь обе хорошие и обе меня любите, а я люблю вас, значит вы просто не можете не найти общий язык.

При всей своей неопытности Вера понимала, что это полная ерунда. Просто Сева как мужчина, совершенно наивен в таких вопросах.

– Нет,– она помотала головой.– Как хочешь, а я не буду здесь жить. Можем жить у меня.

Сева разозлился. Опять она начинает свои капризы и выкрутасы! К этому времени, он уже успел забыть неприятный разговор с матерью, и ему казалось, что Вера просто придумывает несуществующую проблему. Ну, что за взбалмошный характер?

– Вер, перестань! Я не могу ее тут одну оставить. Она привыкла, что я рядом, ей будет плохо одной.

– Ну, так и живи с ней!– Вера встала и вышла из комнаты. Сева решил, что она надулась и ушла на кухню или в ванну и теперь сидит и ждет когда он придет ее успокаивать, но тут услышал, как хлопнула входная дверь. Вера ушла.

Два дня он сходил с ума. Она не подходила к телефону. После занятий он ее не нашел – или не пришла или специально прошла незаметно, не желая с ним разговаривать. На третий день он поехал к ней домой. Дверь никто не открыл. Он устроился на лавочке возле подъезда и

стал ждать. Спустя час он увидел Соню, идущую с работы. Соня немного смутилась, когда Сева спросил, не знает ли она где Вера. Ей было неудобно за сестру, которая ведет себя совершенно безответственно. Пригласила Севу зайти и выпить чая. Когда Вера вошла в квартиру Соня злобно посмотрела на нее, а Сева, забыв обо всем на свете, кинулся обнимать Веру и выпалил:

– После свадьбы можем жить у моего дяди. Он в деревню уехал, у него там любовь образовалась на старости лет.

Мир был восстановлен. Как и положено последовали объятия, признания, поцелуи. Романтика, одним словом.

Сева никогда еще не был так счастлив. Он был счастлив с тех пор, как его многомесячные изнурительные ухаживания завершились взаимностью с Вериней стороны. Он любил ее. Он добивался ее любви. Он справился, выдержал и добился своего. Он был очень-очень счастлив. Жизнь прекрасна. Жизнь замечательна и полна радужных надежд на будущее вместе с Верой. Сева светился от переполнявшего его чувства и улыбался. Все время улыбался. И это его состояние делало его привлекательным как никогда. И все окружающие его люди чувствовали это его состояние. И вот та милая блондинка, сидящая в метро напротив и мило улыбающаяся ему в ответ, потому, что нельзя не улыбнуться такому радостному, такому счастливому человеку. И вот та черненькая с милой родинкой над верхней губкой. Она тоже улыбается Севиному счастью, тоже чувствует его. И шатенка, идущая на встречу по улице. И даже та совсем некрасивая с неопределенным цветом волос, тоже улыбается ему. И еще много блондинок, черненьких, рыженьких, русоволосых и крашенных. Все они готовы дарить свои улыбки такому счастливому и такому красивому молодому мужчине. Сева вдруг осознал, что в последнее время он вообще не замечал других женщин и думать забыл о них, думая только об одной единственной. А ведь вон их сколько, всяких и разных. И это пьянящее чувство собственной власти над женскими взглядами, над их желаниями. И это ощущение своей привлекательности, неотразимости, превосходства над большинством других представителей мужского пола. Как же он мог забыть как это прекрасно?

Сева прежний начал пробуждаться от спячки, расправлять плечи, распрямляться в полный рост. Себя не переделаешь. Можно до безумия любить другого человека, но если ты кобель, то кобелем и помрешь и ничего с этим не поделаешь. И закрутило, завертело Севу. Все больше времени он начал уделять прежним увлечениям: качалка, друзья, какие то ночные гулянки. Женщины. Он почти женатый человек. Просто флирт. Что тут страшного. Просто для остроты чувств. Он же мачо, самец. Он должен чувствовать, что он мачо. Пара взглядов, несколько комплиментов. В этом ничего такого нет. Ничего это не значит для него. Он любит Веру. А это все так, ерунда, просто для развлечения, повышает самооценку. Ах, какая грудь у этой девушки, весь вечер на него посматривающей. Да хороша! Но он же просто смотрит, уж посмотреть то он может. Что она делает? Пересела к нему, но ведь ничего страшного. Он же мужчина, он же не обязан закрывать глаза, в конце концов, отворачиваться. Да и она сама пересела, не гнать же ее. Девушка склоняется все ближе. У нее такие приятные губы. И эта грудь. Она уже касается его.

Утро в чужой постели. Потом еще одно. И еще и еще. Но это все, все равно ничего не значит. У него есть любимая. Он скоро женится. Просто сейчас же еще можно насладиться свободой. До свадьбы-то еще три месяца.

Как-то так получилось, что они стали видятся с Верой сначала пару раз в неделю, потом один раз, а потом и вовсе раз в полторы-две недели. Все время находились какие-то важные дела, веские причины, что бы отложить свидание. Вера дулась, иногда злилась. Ну, а ему разве легко? Он же тоже скучает, тоже радуется встрече, когда они, наконец, видятся. Просто много разных дел. А Вера просто любит покапризничать, повредничать.

Скорее всего, их союз стал бы союзом двух эгоистов. Не готовых жертвовать, не готовых уступать и отдавать. Их чувства не были для этого ни достаточно сильны, ни достаточно глубоки. Вера была слишком молода и неопытна и слишком легкомысленна и неспособна понять ни свои собственные чувства, ни тем более чувства другого человека. Она находилась в том возрасте, когда девушка мечтает о любви, хочет любить и быть любимой. Она приняла свое увлечение, свою привязанность и привычку за сильное настоящее чувство. Она хотела любви, и она придумала ее себе. Чувство, заполняющее пустое место в душе. А Сева очень целенаправленно шел к желаемому. Шел не от сердца, а на поводу у задетой гордости и самолюбия. От недостижимости цели, она казалась ему все желаннее. Он полюбил, скорее недостижимую мечту, чем реального человека. Отличие настоящей истинной любви от влюбленности в том, что когда человек влюблен, он скорее любит в объекте своей влюбленности себя самого. Хочет обладать, хочет все для себя, не думая, по большому счету, о желаниях того кого любит. Настоящая любовь наоборот отдает, для нее важнее не собственные желания и чувства, а желания и чувства любимого человека. Настоящая любовь великодушна и жертвенна. Она готова все отдать, всем пожертвовать ради любимого. Лишь бы он был счастлив. Потому, что его счастье важнее собственного. Потому, что его счастье это и есть твое счастье.

Вера окинула сквер взглядом. Сева сидел на лавочке в нарочито небрежной позе красивого самца. Заметив Веру, он встал и направился к ней легкой походкой хищника обходящего свою территорию.

«Господи, какой же он павлин!» – Вера начал разбирать истерический смех, который всегда начинался у нее в моменты сильного волнения.

– Привет! – Сева наклонился, чтобы поцеловать ее. Увернувшись от поцелуя в губы, Вера дала поцеловать себя в щечку, после чего они сели рядом на лавочку.

– Я так соскучился! Вер, ты такая красивая! – беря ее за руку, несколько преувеличенно восторженно сказал Сева. Он ужасно любил эффекты. Поглаживая ее ладошку, он с энтузиазмом начал рассказывать что-то про знакомых ребят, про то, как они тут на днях отлично погуляли на чьем-то очередном дне рождения и т.д.

– Сева! – прервала нескончаемый поток информации Вера. – Я.. Я встретила другого человека. Прости. Я не хотела делать тебе больно. – Она, не отрываясь, смотрела на пятнышко на асфальте у своих ног, цепляясь за него взглядом как за спасительную соломинку. Сева молчал и, в конце концов, Вера, собравшись с силами, все же оторвалась от созерцания асфальта и посмотрела на него. Он сидел очень прямо. Лицо было похоже на застывшую маску, только желваки ходили на щеках, живя собственной жизнью на неподвижном безжизненном лице. В глубине зеленых глаз притаилось, что то темное, первобытное. Из груди, высоко вздымавшейся при каждом вздохе, на выдохе воздух выходил с хрипом и свистом, как будто у него внезапно началось тяжелое воспаление легких.

Вера сидела в нерешительности, не зная, что еще сказать и что делать.

– Кто он? Я его знаю? – глухим, полным сдерживаемой ярости голосом, наконец, спросил Сева.

Что за дурацкий вопрос? Вера рассердилась. Какая разница, кто он. Важно только то, что они больше не вместе.

– Нет, не знаешь, – сухо ответила она.

– И что, ты теперь с ним? – все так же глухо спросил Сева.

Вера пожала плечами.

– Я не знаю. Я просто не с тобой.

Его глаза полыхнули страшным огнем. Он произвольно сжал кулаки, костяшки пальцев побелели. С какой радостью он сейчас вцепился бы в глотку этому уроду, который забрал у него его Веру! Он вцепился бы в нее зубами и не отпуская бы, пока эта тварь не захлебнется

собственной кровью. Он уже забыл всех светленьких, темненьких, рыженьких и крашенных во все цвета радуги. Он бы даже удивился сейчас, скажи ему кто-нибудь о них. Сколько их было и сколько еще будет. Сейчас существовала только Вера, и она не принадлежала больше ему. Она принадлежала теперь тому другому. И тот другой теперь целует ее, прикасается к ней, говорит ей нежные слова. Да как он смеет, как он смеет прикасаться своими лапами к ней, к его девочке? Она его. Она только его и принадлежит ему, а не тому другому, недостойному ее. Сева посмотрел на Веру, взгляд у него был пугающий. Он представил, как возьмет сейчас ее маленькую голову своими большими сильными руками и будет сжимать ее до тех пор, пока этот ее недоносок не исчезнет из ее головы, пока даже память о нем не исчезнет... Сева судорожно всхлипнул и закрыл лицо руками.

– Господи, Вера, как ты могла?– почти простонал он, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Прости,– прошептала она, понимая, что это глупо, но, не зная, что еще тут можно сказать.

– Прости!– заорал он и от неожиданности Вера даже подскочила.– Не смей мне говорить прости! Ты обещала, ты слово дала! Ты должна! Слышишь?

На них начали оборачиваться. До этого момента ей было его жалко, и она чувствовала свою вину. Но его слова, обвинения, которые он проорал ей в лицо, разозлили ее.

– Что я обещала, Сева? Какое я слово дала?– она сердито смотрела на него, не испытывая больше ни жалости ни угрызений совести.– Что буду всегда с тобой, и мы будем жить долго и счастливо, и умрем в один день, нарожав, перед этим десяток детей? Ничего я не обещала и никакого слова не давала. И я ничего не должна!

Она встала, что бы уйти, Сева хотел удержать ее, но она вырвала руку. Приступ гнева и ярости прошел, и Сева сидел, опустив плечи, несчастный и потерянный. Сейчас он был похож на большого ребенка, не знающего, что ему делать дальше. Он печально посмотрел на Веру.

– А маме я что скажу?– неожиданно спросил он.

Вера подавила новый приступ истерического смеха.

– Скажешь, что сегодня ее счастливый день, я ушла из ее жизни навсегда.

Вера, не оглядываясь, пошла в сторону метро. На душе у нее сделалось легко-легко. И голова была легкой – никаких мыслей. Ни о прошлом, ни о будущем, ни о настоящем.

Она глубоко вдохнула холодный осенний воздух. Как хорошо! Как хорошо жить! Как хорошо ощутить себя свободной, как будто она сбросила какую-то тяжелую ношу, тянувшую ее к земле. Сбросила и теперь парит легкая, как осенний листок, и такая же беззаботная.

Решив ничего пока не говорить Соне про кардинальное изменение своих жизненных планов, Вера весь вечер, старательно избегала, старшую сестру. На счастье, та и сама не стремилась к общению, приехала злая и ходила по квартире, громыхая какими-то вещами, перекладывая их с места на место. А потом молча ушла спать в свою комнату. Наверное, что-то опять у нее там не заладилось с ее возлюбленным. «Брось его Сонька! Брось!– хотелось крикнуть Вере.– Найди себе нормального мужика, выйди замуж, нарожай детей. Не губи свою жизнь. Он мизинца твоего не стоит». Но сказать сестре такое Вера не могла. Да и какое право она имеет советовать, она со своей-то жизнью разобраться не может.

Ночью позвонил пьяный Сева, начал что-то говорить о любви, еле ворочая языком. Вера повесила трубку. Телефон снова зазвонил. После третьего звонка Вера отключила телефон и уснула крепким сном младенца.

01.10.1990г.

Все кончается. Подходил к концу последний вечер. Держась за руки, они медленно шли по набережной Москвы – реки. Дул пронизывающий октябрьский ветер, пробиравший до костей, заставлявший прохожих прятать носы в воротники, а озябшие руки в карманы курток

и пальто. Вера с Сергеем как будто не замечали холода, они шли не спеша, стараясь как можно дольше оттянуть неизбежный момент прощания.

Он приехал, как и обещал, рано утром. Полдня, они провели в постели и готовы были провести там и вторую половину, и еще много-много дней, но Соня должна была вернуться с работы, и пришлось покинуть их маленький теплый мирок и отправиться гулять по хмурой промозглой Москве. Они пообедали в ресторане – Сергей продал свой мотоцикл и шикавал, решив устроить для них праздничный, запоминающийся вечер. Он предлагал ей сходить куда-нибудь, в любое место, куда она захочет, один звонок Родиону Петровичу, и для них любая дверь открылась бы как по волшебству, но Вера отказалась. Ей хотелось побыть вдвоем, что бы рядом не толкались чужие, незнакомые люди. Они прогулялись по Красной площади и потом, не спеша, дошли до набережной. Момент, о котором они старались не думать, становился все реальнее, все сильнее сжимала сердце глухая непроглядная тоска. Сейчас они дойдут до метро. Доедут до Вериного дома. Попрощаются. И все. Конец.

Оба думали о завтрашнем дне, оба боялись его и не решались высказать свои мысли вслух. Как будто опасаясь, что волшебство последних дней развеется, и что реальность захлестнет их и поглотит, наполнив их сердца темнотой и печалью.

– Во сколько ты завтра улетаешь? – все же не выдержала Вера.

– Самолет в 6-30 утра, – сказал Сергей, сердце болезненно сжалось «Так рано!», как будто если бы он сказал, что самолет в 10 или 12, что то изменилось.

Сергей остановился и, взяв Веру за плечи, развернул ее лицом к себе. Она отворачивала голову, стараясь отвести взгляд, потому что боялась разреветься.

– Вера, Верочка! – Сергей безуспешно пытался заглянуть ей в глаза. Легонько взяв ее за подбородок, он заставил Веру посмотреть на себя. – Я знаю, что не должен этого говорить. Но я прошу тебя, не выходи замуж. Пожалуйста, Вера! Дождись меня. Ну, хотя бы, отложи свадьбу. Я вернусь, и тогда ты решишь. Просто подожди, пожалуйста!

Она почувствовала такое облегчение.

– Хорошо. Я подожду тебя. – Сказала Вера, тупая ноющая боль, сковывавшая сердце отпустила. Она чувствовала себя возвращающейся к жизни, ощущала как тревога и неизвестность, разъедающие душу все последние дни, отступают, покидают тело, и на смену им приходит просто грусть.

Он обнял ее и, прижав ее голову к груди, вдыхая запах ее волос, наслаждаясь ее близостью и долго-долго не отпускал. Когда есть надежда, это так здорово!

Вера не стала говорить о своей встрече с Севой. Ей казалось, что этим она наложит на него какие-то обязательства. Она не хотела, чтобы он чувствовал, что что-то должен. Девять месяцев очень долгий срок. Девять месяцев в разлуке это почти бесконечность. Что-то может измениться за это время. Они сами могут измениться. Он вернется, и они все решат. Сейчас ей достаточно, что он просто есть, есть в ее жизни. Даже если у них ничего не выйдет, она будет знать, что он был. И будет помнить это чудесное время, проведенное вместе. Вера почувствовала, как горячие слезы катятся по ее замерзшим щекам.

– Ты будешь писать мне длинные-длинные письма? – почти строго спросил Сергей.

– Конечно, – она улыбнулась, незаметно смахивая дурацкие слезы. – Про одного Телянина можно листов по пять писать в каждом письме.

– Ты и про себя пиши листов по пять в каждом письме. Хорошо?

– А знаешь, – задумчиво сказала Вера, – ведь мы с тобой почти незнакомые друг другу люди. Мы знаем друг друга меньше недели.

Он чмокнул ее в нос.

– Мне кажется, я знаю тебя намного лучше, чем все остальные, – выразительно глядя на нее засмеялся Сергей. Вера хлопнула его ладошкой по спине.

– Я буду подписывать свои письма – Твоя почти незнакомка. Это загадочно и волнующе.– Улыбнулась Вера.

Все кончается. Расставание у дверей квартиры. Последнее объятие, последний поцелуй. Едва-едва сдерживаемые слезы. Так невыносимо трудно расстаться, когда тебе 18. И когда тебе 23 тоже невыносимо трудно расстаться. И сердце рвется из груди и невозможно разжать свои руки и выпустить руки другого. Сергей решительно поцеловал Веру в последний раз и, вскочив в приехавший на его счастье лифт, уехал.

Соня уже спала. «Ох и соня наша Соня» скаламбурила сама для себя Вера. У нее было странное ощущение полного отсутствия ощущений. Она смотрела вокруг невидящим взглядом. В голове не было никаких мыслей. Защитная реакция организма, которая спасает нас от болезней, стрессов, потрясений. Только от любви она спасти не может, не предусмотрена для нее такая функция. Вера, не раздеваясь, легла на диван и долго просто смотрела перед собой невидящим взглядом, чувствуя во всем теле легкость и тяжесть одновременно.

Около часа ночи зазвонил телефон. Уверенная, что это опять отвергнутый жених Вера неохотно сняла трубку, готовясь высказать все, что она думает по поводу его пьяных ночных звонков.

– Я тебя разбудил?– спросил Сергей.

– Нет, я не сплю. Хорошо, что ты позвонил.

– Я не хотел так поздно звонить. Мы с Вованом немного засиделись. Просто хотел еще раз услышать твой голос.

– Я рада, что ты позвонил,– улыбаясь, сказала Вера.– Ты Вовке сказал, что-нибудь?

– Сказал, что попросил тебя отложить свадьбу.– Ответил Сергей немного смущенно. Он сначала ничего не хотел говорить Вовану, не зная, как это воспримет Вера, но потом решил, не вдаваясь в подробности, сказать о своем чувстве к ней и о просьбе отложить свадьбу. Потому, что все равно все тайное становится явным и пусть уж лучше Вован узнает от него, чем потом начнет доставать Веру своими шуточками и дурацкими комментариями. Вован, естественно, отреагировал на новость о «большой и чистой любви» в свойственной ему манере: бурно, шумно, с задором. Излив на друга целый поток восторженных высказываний и шуточек. Сергей потребовал, что бы Вован не смел приставать к Вере и не лез к ней с расспросами, на что Вован радостно заявил: «Ты ж меня знаешь, Серег! Я, сама тактичность». Чем внушил Сергею еще большие сомнения в правильности принятого решения посвятить друга детства, пусть даже, в часть правды их отношений с Верой.

– И что он сказал?– Вера прекрасно знала, что предугадать, то, что мог сказать Телянин невозможно, потому что он мог сказать, все что угодно.

– Сказал, что я молоток.– Нехотя ответил Сергей. Он, все больше, переживал из-за последствий, которые могло повлечь его признание.– Вер, я наверное, не должен был ему вообще ничего говорить, ведь знаю его как облупленного. Прости меня, пожалуйста. Просто я подумал, что он все равно узнает и начнет тебя доставать. Хочешь, я ему сейчас позвоню и заставлю поклясться, что он ни слова тебе на эту тему не скажет?

Вера засмеялась:

– Да все нормально! Зато мне врать не придется. И потом, зная нашего общего друга, уверена, заткнешь ему рот, он пантомиму начнет изображать, или плакаты писать будет, или еще что-нибудь придумает. Пускай подшучивает. С ним весело, он забавный.

У Сергея отлегло, как камень с души свалился. Но кое, что его все же беспокоило.

– Он сказал, что станет твоей дуэньей на время моего отсутствия,– мрачно сказал Сергей.– И ведь станет, я его знаю, так что ты с ним не церемонься. Посылай его в случае чего, он же меры ни в чем не знает.

– Да ладно,– расхохоталась Вера, представляя Телянина в роли дуэньи.– Я с ним справлюсь, не переживай. Сереж, возвращайся скорее. Ладно?– сказала она уже грустно и серьезно.

За последние дни Сергей очень мало спал, и столько всего произошло, что он вымотался, но до этого не замечал усталости. Некогда было. А сейчас она как – то сразу навалилась на него, ноги и руки отяжелели, потянуло в сон. Он привалился к стене, что бы удобнее было сидеть, и слушал Верин голос. Приятное тепло разливалось по телу. И очень захотелось спать, но он не хотел с ней прощаться, хотел слушать ее голос.

– Вера, расскажи мне, что-нибудь о себе. Я хочу все о тебе знать,– попросил он.

Вера задумалась. В голову не приходило ничего интересного.

– Я не знаю, что рассказать. Ничего, так сразу, не вспоминается. Давай я лучше тебе расскажу сказку, мне ее бабушка в детстве часто рассказывала.

Сергей засмеялся:

– Мне сто лет уже никто не рассказывал сказки. Слушаю тебя, моя Шахерезада.– сказал он, устраиваясь поудобнее.

Вера начала рассказывать историю об очень красивой, но очень ленивой девушке, которую увидел в окне, проезжая мимо ее дома король и влюбился в нее, и увез ее к себе во дворец и решил на ней жениться. А мать девушки уверила короля, что ее дочка первая рукодельница во всем королевстве, потому, что ей было стыдно признаться, что дочка ничегошеньки не умеет и не хочет делать. Перед свадьбой король дал красавице задание напрядь за ночь пряжи из шерсти, которой была завалена целая комната дворца. Ночью, когда ленивая красавица, не умеющая прясть, сидела и горько плакала, понимая, что король на ней не женится, а она уже тоже успела его полюбить, перед девушкой появился карлик и сказал, что поможет ей выполнить задание, данное королем, но она должна будет отдать за это карлику своего первенца. Девушка решила, что первенец еще, когда будет, и, что можно будет что-нибудь придумать и обмануть карлика, и согласилась....

Тихий, нежный голос убаюкивал, обволакивал, прикрыв глаза, Сергей начал погружаться в блаженную дремоту и не заметил, как уснул. Вера, дошедшая в своем повествовании до места, когда карлик является к красавице, уже ставшей королевой, за обещанной наградой – ее маленьким сынишкой, заподозрила по долгому молчанию и полному отсутствию признаков жизни в трубке, что Сергей уснул. В приступе озорства, она рывкнула страшным голосом прямо в трубку:

– А теперь, злобный карлик, я оторву тебе голову и сожру твои мозги!

От неожиданности Сергей дернулся, с глухим стуком ударившись головой о стену.

– Какая страшная сказка!– потирая затылок, засмеялся он. На другом конце провода хохотала Вера.– Тебе бабушка всегда такие страшные сказки рассказывала? Я тут вмятину в стене затылком сделал, с перепугу, так что давай говори, чем там все у них закончилось? Карлик выжил?

– Ишь, какой хитренький,– вытирая выступившие от смеха слезы, сказала Вера.– Мало того, что проспал пол сказки, так еще и чем дело кончилось, хочешь узнать. Нет уж! Шахерезада сказки до конца никогда не рассказывала. Самое интересное, всегда на потом оставляла. Так, что когда вернешься тогда и конец сказки узнаешь. Если, конечно, ты снова не задрыхнешь.

Было уже почти два часа ночи. Вере нужно было с утра на занятия. Пора было прощаться. Уже во второй раз за этот долгий, такой хороший и такой печальный день.

– Я, как только приеду сразу тебе напишу. Хорошо?– пообещал он.

– Я буду ждать.– Ответила Вера, стараясь, что бы, голос не дрожал. Хватит уже слез. Пусть прощание будет приятным.– Я буду ждать твоих писем, буду писать сама, и буду очень ждать твоего возвращения, Сережа.– Она быстро повесила трубку и, уткнувшись в подушку,

разрыдалась. «Дура плаксивая!»— мысленно ругала она себя, тоненько подвивая и вздрагивая худеньким тельцем от сотрясавших ее рыданий.

02.10.1990г.

Самолет готовился к взлету. Картинка за окном медленно начала двигаться. Самолет плавно скользил по взлетной полосе, набирая скорость. Картинка мелькала все быстрее и быстрее. Наконец, оторвавшись от земли, самолет взмыл в воздух и устремился ввысь, поднимаясь все выше и выше. И вот уже стало невозможно разглядеть людей и машины, крыши домов превратились в маленькие темные прямоугольники, а дороги казались тонкими извивающимися и разветвляющимися в разные стороны нитями, опутавшими город и расползавшимися далеко за его пределы. Сергей думал о Вере, о предстоящей работе, о матери. Мысли лениво ворочались в голове. Когда они с Верой закончили телефонный разговор, было уже больше двух часов ночи, а в четыре ему нужно было вставать, что бы успеть в аэропорт. Он решил не ложиться, а поспать уже в самолете. Когда он вышел перекусить перед отъездом, на кухню пришла мать. Она была грустная и молчаливая. Когда Сергей только сообщил, что собирается ехать работать на север, мать пыталась отговорить его.

– Зачем тебе ехать, сынок, в такую даль так надолго? Что ты в Москве денег не заработаешь?— спрашивала она.

– Столько и за такое время не заработаю.— Ответил Сергей твердо. Зная характер сына, мать поняла, что если он решил, то не передумает и бесполезно уговаривать. Она больше и не пыталась, только с грустью думала, что скоро он снова уедет от нее и дома опять станет пусто, как тогда, когда он ушел в армию.

Она старалась не думать о его отъезде, но каждый день, глядя на календарь считала, сколько дней еще осталось. И вот он сидит на кухне такой большой и совсем взрослый, завтракает, улыбается ей, стараясь подбодрить, а потом подхватит сумку с вещами, наскоро обнимет ее на прощание и умчится далеко-далеко за своей мечтой, а она останется совсем одна. Так вдруг захотелось, что бы он снова стал маленьким, белобрысым Сережкой. Что бы можно было посадить его на колени, прижать к себе и не отпускать. Гладить светлые волосики, которые с возрастом потемнели и стали темно-русыми. И оберегать его от всех опасностей, как в детстве.

– Ох, сынок, сынок!— сказала она, подходя к нему и глядя жесткие густые волосы, бывшие когда-то мягоньким беленьким пушком.

– Он накрыл ее руку своей большущей ладонью.

– Мам, я скоро вернусь. Не переживай.

Тяжело вздохнув, она, пошла проверить, все ли он собрал в дорогу.

Сергей открыл глаза, когда самолет уже начал заходить на посадку. Летели долго, он успел хорошо выспаться и теперь снова чувствовал себя бодрым и полным сил.

Через несколько минут самолет приземлился и Сергей стал пробираться к выходу. Взглянув в окно, он с изумлением увидел, что вокруг взлетной полосы все завалено толстым слоем снега. Из дождливой Москвы он как по волшебству попал в самую настоящую зиму.

Выйдя из самолета, он мгновенно ощутил, что зима не только настоящая, но еще и морозная. Причем мороз был не шуточный, градусов за двадцать. Ледяной ветер дул с такой силой, что пока Сергей в своей несерьезной кожаной курточке, предназначенной для московской осени, и ботинках на тонкой подошве, добежал до здания аэропорта, ему показалось, что он замерз не только снаружи, но все его внутренности превратились в один сплошной кусок льда.

Внутри было не особо тепло, но по сравнению с улицей просто замечательно. В небольшом зале ожидания рядами стояли скамьи, на которых сидело несколько пассажиров, ожидающих посадки на свой самолет. Справа находился буфет с выставленной поверх прилавка табличкой «Обед», весьма огорчившей Сергея, не отказавшегося-бы сейчас выпить чего-нибудь

горячего. В дальнем углу расположилась группка мужчин, рядом с которыми на полу были свалены кучей большие спортивные сумки и рюкзаки. Сергей понял, что это его новые коллеги. Он проспал весь полет, поэтому не разглядел других пассажиров. Но, был уверен, что часть, из сидящих, в глубине зала, прилетела на одном самолете вместе с ним.

– Ой, простите!– молодой белобрысый парень, налетев на Сергея, сзади врезался в его плечо. Парнишке на вид было лет восемнадцать–девятнадцать. Наивные голубые глаза, опущенные густыми светлыми ресницами, растерянно смотрели с совершенно, детского, веснушчатого лица. Одет он был так же как Сергей – совершенно неподходяще для местной погоды. Коротенькая красная курточка, джинсы и кроссовки. Уши и щеки, в данный момент, были абсолютно идентичны цвету его пижонской курточки. Еще сильнее покраснев, но уже от смущения он почти робко спросил. – А Вы случайно не знаете, как найти 24 бригаду?

«Как же тебя занесло-то сюда, такого птенца желторотого? Тебе ж еще рядом с мамкой надо сидеть и сиську сосать»– подумал Сергей, с сочувствием глядя на, как теперь он уже знал, юного коллегу.

– Думаю, что это она и есть.– Сергей указал рукой в сторону группы, к которой направлялся сам.

Навстречу им поднялся мужчина, лет за сорок, с густой бородой и потемневшей, от уже навсегда приставшего северного загара, кожей. Возле глаз и на лбу пролегли глубокие бороздки морщин. Несмотря на суровый вид человека, немало повидавшего на своем веку и привыкшего к трудностям, в глазах его плясали веселые огоньки, а улыбка была добродушной и располагающей.

– Здорово ребята! Вы в 24-ю?– спросил он, протягивая по очереди, широкую мозолистую ладонь Сергею и молодому парню. Оба кивнули.– Ну, милости просим. Я начальник бригады, Иван Николаевич Кузнецов.

– Сергей Кречетов.

– Алексей Кукушкин.

Один из сидящих засмеялся:

– Кукушонком будешь!

Все остальные тоже засмеялись, только обладатель нового и очень подходящего ему прозвища стоял смущенный, снова слившись цветом лица с собственной курткой.

Иван Николаич с сомнением смотрел на вновь прибывших.

– Вот что, ребята,– сказал он, наконец,– тут жизнь суровая. Работать приходится в трудных условиях. Тут у нас жесткая дисциплина, работа тяжелая. Условия самые, что ни на есть спартанские. Ни тебе развлечений...– он немного помолчал, как бы обдумывая, чем еще припугнуть двух новеньких.

– В общем, не все выдерживают. Бывает, что и сбегают люди. Мне нужно, что бы бригада работала. Если не уверены, что хотите остаться, срок-то долгий, а впереди зима, из лагеря, бывает, по два месяца не выедешь, так дороги заносит, то вы лучше прямо сейчас садитесь на самолет и назад, домой к мамке.

– Я остаюсь,– спокойно сказал Сергей.

– Я тоже.– Распрямив плечи и вскинув голову вверх для солидности, насупив белесые брови, сказал Кукушонок, в глазах которого стояли слезы. «Молодец, с характером»– мысленно похвалил Сергей мальчишку.

Веселые искорки, вновь заплясали в глазах нового начальника.

– Ох, ребята. Я вас предупредил. Мы скоро выезжаем. До лагеря ехать больше трех часов, так что тянуть нечего, нужно засветло доехать. Давайте переодевайтесь. Есть, что теплее-то?– Иван Николаич с усмешкой посмотрел на почти по-летнему одетых мальчишек. После того, как они, по-армейски, одновременно ответили «да», он продолжил.– Одевайте все, что есть. В лагере выдам вам унты и одежду. Распорядок, план работ, обязанности, это все завтра будем

обсуждать. На сегодня у нас задача до лагеря добраться и сгрузить в ангар все, что сейчас с собой привезем. Давайте ребятки. Пятнадцать минут вам даю на переодевания и на знакомство.– Он кивнул на остальных членов бригады, знакомьтесь мол, и пошел в сторону выхода, надевая на ходу, теплую шапку и поднимая воротник толстой зимней куртки.

До лагеря добрались уже в сумерках. Еще в аэропорту, когда Кукушонок сменивший свою тонюсенькую красную куртку на ненамного более теплую синюю и натянув на голову вязаный «петушок», робко высказался по поводу «жуткой холодины» на улице, один из новых знакомых, Генка Рыжов, хлопнул его по плечу и, радостно смеясь, сказал:

– Это разве холодина? Вот будет минус 60, вот это холодина! А сейчас, считай так, легкий морозец.

– Минус 60?!– с ужасом повторил Кукушонок.

Дорога была ужасной. Ехали на двух гусеничных вездеходах. В один погрузили оборудование и запас продуктов, доставленных грузовым самолетом. Иван Николаич, которого большинство ребят, называло запросто, Николаичем, сел за руль. Во второй набились все остальные члены бригады. Развернувшись в противоположную от города сторону, поехали через заснеженную северную равнину. Несмотря на то, что ехали по снегу всю дорогу жутко трясло. На каждом ухабе людей, сидящих внутри вездехода, подбрасывало и швыряло из стороны в сторону. Гул от тархтевшего мотора стоял такой, что, для того что бы что то сказать приходилось кричать. К концу дороги, Кукушонок был уже больше похож на лягушонка, весь зеленый с остекленевшими глазами. Сергей чувствовал, что его тоже начинает мутить от непрерывной тряски. Заметив их состояние, Паша Головин, маленький, смешливый парень, чуть старше Сергея, сочувственно сказал, вернее прокричал:

– Уже почти приехали. Это с непривычки. Первый раз всегда так. Привыкните.

Картина, представшая перед глазами вновь-прибывших, когда они выбрались, наконец, из, ставшего ненавистным, за время пути, вездехода была весьма унылой, даже тоскливой. Куда не глянь, в какую сторону не посмотри – уходящая вдаль, насколько хватает глаз, снежная пустыня. Несколько сбившихся в кучку вагончиков для жилья, в небольшом отдалении от лагеря большущий железный ангар для оборудования, в который загоняли технику в конце рабочего дня. Ни деревца, ни кустика. Вокруг лагеря ровная белая поверхность, плоская как блин. Во-все сгущающихся сумерках, впечатление получалось еще более удручающее. Сергей почувствовал, как тоска сжимает сердце, как будто тисками – 9 месяцев, целых 9 месяцев здесь, это же просто ужас! Взглянув на Кукушонка, он заметил, что тот стоит с совершенно ошалелым видом и как-то подозрительно часто моргает. Сергей догадался, что мальчишка изо всех сил старается не заплакать. Но понять его вполне можно, Сергей и сам готов был расплакаться.

Пока разгружали тяжелые ящики с оборудованием и съестные припасы, привезенные на втором вездеходе, наступил вечер. Темнота накрыла маленький лагерь, только окошки вагончиков светились желтыми огоньками посреди бескрайней заснеженной равнины.

После ужина пошли заселяться на новом месте. Николаич, занимал вагончик на пару с якутом по имени Эрчим. В переводе с якутского, как объяснил Эрчим новеньким, его имя означает -энергичный, и это на удивление точно соответствовало его характеру. Невысокий, быстрый в движениях, очень ловкий, Эрчим, казалось, не знал усталости и носился по лагерю, появляясь то тут то там с неизменной широкой улыбкой на смуглом широкоскулом лице, в то время, когда остальные уже почти падали от усталости, измотанные дорогой и погрузочно-разгрузочными работами.

– Могу кого-нибудь одного у себя приютить. – предложил Николаич, обращаясь к четверым новеньким: Сергею, Кукушонку, хмурому Андрею Зимину и серьезному, уже взрослому, по сравнению с остальными Игорю Ильину.

Кукушонок, немного осоловевший, похожий на большого, сонного ребенка, непроизвольно придвинулся ближе к Сергею. Он как-то сразу проникся к нему, привязался, и теперь не хотел разлучаться с новым товарищем.

Игорь отправился в вагончик Николаича, а остальных повел пристраивать неугомонный Эрчим.

– Не грусти! Все будет хорошо, – очень мягко сказал он Кукушонку, почувствовав его подавленное состояние. Кукушонок благодарно улыбнулся в ответ.

По-русски Эрчим говорил очень чисто, без особого говора, свойственного жителям севера. Сразу после школы он работал в оленеводческом хозяйстве, потом отслужил в армии, вернувшись, проработал пару лет на нефтедобывающей вышке и затем уехал в Москву учиться в геологоразведочный институт.

После института вернулся в родные места и вот уже четвертый год работал с Николаичем, который тоже был перекаати-поле, вел кочевую жизнь, работая в самых отдаленных уголках необъятной родины.

Эрчим открыл дверь одного из вагончиков, жестом приглашая остальных проходить внутрь. После морозного воздуха в жарко натопленном вагончике показалось очень душно. Обстановка была почти убогая. Три двухъярусные кровати, из соснового бруса, одна из которых, судя по разбросанным вещам, уже была кем-то занята. Небольшой стол, пара стульев и шкаф, явно сделанный собственными силами. Рядом с входной дверью к стене был приделан деревянный умывальник.

Пока новые обитатели наслаждались разглядыванием своих апартаментов, вернулись уже жившие здесь Гена Рыжов и Паша Головин.

– Давайте мужики! Чего встали? Проходите, обувь можно не снимать! – засмеялся Гена Рыжов. Заметив, что Кукушонок с недоумением разглядывает умывальник с пимпочкой внизу, он радостно объявил. – Это наша ванная Кукушонок. А до-ветру мы вон туда ходим.

Он подошел к двери и, распахнув ее, показал на, едва заметное, в темноте, маленькое сооружение, в назначении, которого сомневаться не приходилось.

Наивные голубые глаза Кукушонка округлились.

– А в мороз? – еле слышно прошептал он, вспомнив про обещанные шестидесятиградусные морозы.

– А в мороз в ведро по малой нужде сходишь, – смеясь, сказал Гена.

– А ... все остальное? – Еще тише с совершенно несчастным лицом спросил Кукушонок. Гена заговорщицки хлопнул его по плечу.

– А для всего остального тебе Николаич подгузник выдаст.

Взрыв хохота сотряс стены вагончика. Смеялись все, и лишь Кукушонок, как обычно, залился густым румянцем. Говорила ему мама, говорила. А он вообразил себя взрослым и рванул за романтикой. Наелся он уже этой романтики. В первый же день наелся, уже не лезет.

Сергей думал, что не уснет. Матрац был жесткий, казалось, что лежишь на голых досках. Воздух в вагончике был спертый, душный. Присутствие пяти наработавшихся за день молодых мужчин, их одежда, обувь, дыхание, все это в небольшом пространстве вагончика создавало еще ту атмосферу. Но, едва коснувшись подушки, Сергей почувствовал, как начинает проваливаться в сон. Хорошо бы увидеть во сне Веру, улыбаясь, подумал он, уже засыпая. Но Веру он не увидел, как не увидел и ничего другого. Он спал очень крепко, без сновидений и проснулся только когда Паша Головин начал расталкивать их с Кукушонком, который спал на втором ярусе кровати. Сергей посмотрел на часы. Было 7 утра. Через час начинался его первый трудовой день на севере.

Октябрь 1990г.

Начались суровые трудовые будни. Работа была тяжелая, к вечеру все возвращались усталые, с одним желанием поскорее забраться в кровать и уснуть. Утром вставали, завтракали и отправлялись в ангар, предварительно прогретый дежурным по лагерю, выводить технику.

Работа на морозе, а температура на улице уже приближалась к -30, шла медленно. Если что-то ломалось или выходило из строя, приходилось сначала отогреть замерзший металл паяльными лампами, что бы хрупкие от мороза детали не раскрошились. Что бы открутить болт или гайку приходилось снимать толстые рукавицы и работать в рабочих перчатках, и буквально через пару минут руки теряли чувствительность и переставали слушаться.

По вечерам, если оставались силы, играли в «козла», в карты, в шахматы. Больше увлечений не было. Иногда Николаич выделял ребятам бутылку водки, для подъема настроения, как он говорил. Выпивали по 50 грамм, больше начальник не позволял, да и на десять человек больше не получалось. Всего в лагере их было двенадцать, но Эрчим и Кукушонку водку не пили.

Из приехавших в лагерь, вместе с Сергеем и Кукушонком, только они и Андрей Зимин, прозванный Зимой, были новичками. Все остальные, если и работали до этого не прямо здесь, то в других подобных местах и имели представление обо всех трудностях и условиях жизни связанных с такой работой.

Сергей довольно быстро втянулся, тем более, что особо скучать или переживать было некогда. Труднее всего пришлось Кукушонку, первую неделю он ходил тихий, как в воду опущенный, но к концу второй недели уже совсем привык и, чувствовал себя опытным покорителем севера.

Все, включая молодых ребят, относились к доброму доверчивому и смешливому Кукушонку с отеческой заботой. Как всегда бывает с самыми младшими, над ним все время подшучивали, но по-доброму. И Кукушонок, освоившись и успев ко всем привыкнуть, уже не краснел как маков цвет, а хохотал над шутками вместе с остальными.

Зима был полной противоположностью Кукушонка. Прозвище очень подходило ему. Он всегда был хмурым, молчаливым, редко улыбался и в свободное время обычно лежал на своей кровати и курил, редко принимая участие в игре в карты или в общей беседе.

Сергей привез из Москвы несколько книг и по вечерам иногда читал, а иногда просто лежал и вспоминал Веру. Милое нежное лицо, улыбку, мягкие шелковистые волосы. Иногда ему казалось, что он ощущает прикосновение ее волос к своей щеке, чувствует их аромат, ее запах. В такие минуты он ощущал почти невыносимую тоску по ней, тоску по дому, по маме.

Время незаметно шло. Спустя три недели после его приезда в лагерь, начались обильные снегопады. Снега наметало столько, что по утрам назначали двух дежурных. Один готовил завтрак, а второй шел откапывать двери ангара, что бы потом прогреть его до начала работы бригады.

Мело неделю, а потом снег прекратился, и грянули обещанные шестидесятиградусные морозы. Николаич отменил работы, пока мороз немного не спадет. Пришлось отменить запланированную поездку в город. Раз в месяц ездили пополнить запас продуктов, забрать и отправить почту и рабочие отчеты. Потянулись унылые, однообразные и бесконечно-долгие дни. Сидение в четырех стенах маленьких вагончиков, оказалось, куда большим испытанием, чем работа на лютном холоде.

Поначалу обрадовавшись неожиданному отдыху, люди уже на второй день начали сходиться с ума в крошечном душном пространстве своих жилищ, запертые в них как в тюрьме. На улицу было не выйти. Никакая одежда не спасала от лютого мороза. До соседнего вагончика добежали бегом, чтобы не обморозить лицо. По вечерам, изнывающие от бездействия, обитатели лагеря, отрезанные от всего мира снегами и холодом, собирались все вместе в одном из вагончиков. Травили байки, играли в карты, кости, того же козла, выпивали, ради поддержания боевого духа уже по 100 грамм (Николаич расщедрился, понимая, что ребята маются и не

знают куда себя деть) и потом расходились. Так продолжалось десять дней. На десятый день мороз начал ослабевать, а на одиннадцатый столбик термометра поднялся до -30. Все высыпали на улицу, радостные, счастливые, что закончилось это вроде бы и не долгое, но тягостное заключение. Гонялись друг за другом как дети, кидали друг друга в снег, смеялись и радовались долгожданной свободе, даже не замечая, что на улице, по-прежнему, страшно холодно.

На следующий день, за завтраком Николаич объявил, что по случаю страшной жары, на улице было всего -25, он отправляет Эрчима и Пашу Головина на одном из вездеходов в город. Остальные, отдав письма, приготовленные для отправки заждавшимся матерям, женам, девушкам и друзьям, вернулись, к прерванной морозами, работе.

Ноябрь 1990г.

Первое письмо пришло, когда Вера уже начала сходить с ума от ожидания и тревоги. После отъезда Сергея, она, выждав неделю, потому что прекрасно понимала, что даже и через неделю, навряд-ли, письмо успеет дойти до Москвы, стала ежедневно проверять почтовый ящик. Каждый раз, заглядывая внутрь и не находя желанного письма, она испытывала разочарование. После двух недель ежедневных проверок, она открывала почтовый ящик уже не с надеждой, а скорее со страхом – вдруг опять нет. Спустя месяц она совсем извелась и поручила Соне проверять почту, что бы зря не расстраиваться, но через два дня не выдержала, и снова стала заглядывать в ящик сама.

Единственное, что ее успокаивало, что и Вован не получал от Сергея писем, и мать Сергея еще ничего не получала. Вован ходил ее проведать, и она пожаловалась, что Сережа не пишет.

– Может быть с ним, что-то случилось?– с тревогой спросила Вера у Вована.

– Ничего с ним не случилось.– Спокойно ответил бесчувственный Вован.– Если бы что-то случилось, тогда бы мы уже точно знали. У них там рация есть. Радиogramму бы отправили.

Вера с сомнением посмотрела на него.

– Почему же тогда он не пишет?

– Ты прогноз погоды смотришь по телевизору? У них там холодина страшная. Может их там снегом завалило, выехать не могут. Чего ты паникуешь? Куда он денется от тебя с крайнего севера?– видя, что Вера немного успокоилась, он не выдержал и, расплывшись в улыбке добавил.– Хотя, может, нашел там якутку какую-нибудь или чукчу, сидит там с ней в чуме и посмеивается, ждет меня Верка в Москве, а я тут сижу, чаи гоняю с северной красавицей под боком, а во дворе олень копытом бьет. Красота, нафиг мне эта Москва.

Вера пихнула его в бок, и Вован жизнерадостно заржал.

И вот открыв ящик в очередной раз, уже, скорее по установившейся ежеутренней традиции, чем в надежде найти там, что ни будь, Вера дрожащей рукой достала конверт и прямо в подъезде, не в силах больше ждать, начала читать.

« Здравствуй моя прекрасная Шахерезада.

Ты не представляешь, как я соскучился по тебе. Как хочу увидеть тебя, дотронуться до твоих волос, обнять тебя крепко-крепко и не отпускать. Иногда ночью я представляю, что ты рядом и тогда, мне просто безумно хочется бросить все и бежать к тебе. Все время думаю о тебе. Даже во время работы ловлю себя на мысли, что вспоминаю твой смех, твои глаза, твою улыбку.

У нас тут страшный холод. Когда я только прилетел, оказалось, что из дождливой Москвы я попал в снежную морозную зиму.

Наша база расположена примерно в 120 километрах от Среднеколымска. Вокруг только снег и небо над головой. Кажется, что находишься на необитаемом острове, отрезанном от всего остального мира бесконечными снегами. Находясь в Москве даже невозможно предста-

вить, что где-то могут быть такие места, где до ближайшего живого человека не меньше сотни километров.

Прости, что так долго не писал, но как оказалось письмо можно отправить, только когда кто-то едет в город за продуктами и всякими нужными для работы вещами. Обычно такие поездки бывают раз в месяц. Но у нас тут вначале были очень сильные снегопады, а потом грянул шестидесяти градусный мороз и мы сидели в своих вагончиках, в которых живем, и не могли носа на улицу высунуть. Не работали и сходили с ума от безделья десять, показавшихся просто бесконечными, дней. Поездка в город из-за этого тоже задержалась.

Здесь отличные ребята. Самый молодой парень Кукушонок, его так прозвали из-за фамилии Кукушкин, твой ровесник. Тоже из Москвы. Он бы тебе понравился, хороший парень и очень добрый. А еще здесь работает якут Эрчим. Мы с ним очень подружились. Несколько раз ходили на лыжах, он родился в этих краях и катается прекрасно, любой олимпийский чемпион позавидует. За ним не угонишься, хотя я и неплохо катаюсь, но Эрчим летит как стрела, причем со стороны вообще не заметно, что бы он прилагал какие-то усилия, у меня ни разу не получилось его обогнать. Еще он учит меня стрелять из охотничьего ружья. У нашего начальника Николаича есть ружье. Летом он охотится из него на уток и Эрчим говорит, что они необыкновенно вкусные, если их запечь с травами и ягодами. Обещает приготовить, как только утки вернуться после зимовки. Правда он говорит, что они прилетят тощие и жир нагуляют только к осени, но осенью меня уже здесь не будет, так, что обойдемся тощими. У меня уже неплохо получается стрелять. Мы ставим консервные банки на старую железную бочку, и я уже попадаю с пятидесяти шагов, почти не промазывая.

Здесь не особенно много развлечений, поэтому занимаем себя в свободное время, чем только можем. Даже хорошо, что его не особенно много. Обычно к вечеру уже хочется только поужинать и спать. На сильном морозе тяжело работать, к концу дня все без сил.

Говорят, что зимой здесь можно будет увидеть полярное сияние. Эрчим утверждает, что тундра это самое красивое место в мире. Особенно весной. Поживем-увидим. Пока она больше напоминает, безжизненную снежную пустыню.

Как там Вован? Не замучил тебя своим любопытством и шуточками. Ты с ним по строже. Он совершенно без комплексов и не умеет вовремя остановиться. Хотя в трудной ситуации он отличный товарищ и на него можно полностью положиться. Но это не мешает ему дурачиться и быть совершенно несерьезным.

Напиши мне обо всем, что у тебя происходит. Кажется, я не видел тебя, уже целую вечность. Может это глупо, но я постоянно думаю, вдруг ты передумала, вдруг, когда придет это письмо, ты уже будешь замужем. Эта мысль пугает и сводит меня с ума. Чувствую себя ужасным эгоистом, но ничего не могу с собой поделать. Больше всего на свете не хочу этого. Больше всего на свете мечтаю, что бы ты все же дождалась меня. Прости, я наверное вообще не имел и не имею права говорить тебе об этом. Незнание сводит с ума. Очень тяжело, когда нельзя поговорить, хотя бы по телефону. Узнать новости. Это видимо отрезанность от цивилизации так на меня действует. Все-таки мы привыкли к жизни в городе и, оказавшись в таких условиях, чувствуешь себя немного растерянным и даже беспомощным. Хотя некоторые наши ребята не первый раз так работают и уже привыкли, не ощущают никакого дискомфорта. Николаич вообще уже лет двадцать живет такой кочевой жизнью. Он на этой базе уже четвертый год подряд работает и говорит, что иной жизни не представляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.